

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

АЛЫЕ ПЕРЬЯ
СТРЕЛ

Владислав Крапивин

Алые перья стрел

«Автор»

1971-1974-1982

Крапивин В. П.

Алые перья стрел / В. П. Крапивин — «Автор», 1971-1974-1982

ISBN 5-699-20177-7

Остросюжетная трилогия «Алые перья стрел», написанная Владиславом Крапивиным в соавторстве со старшим братом Сергеем, рассказывает о приключениях братьев Вершининых – как до войны, так и в непростое послевоенное время.

ISBN 5-699-20177-7

© Крапивин В. П., 1971-1974-1982

© Автор, 1971-1974-1982

Содержание

Предисловие младшего соавтора	5
Книга первая	7
Книга вторая	33
1	33
2	41
3	45
4	52
5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Крапивин, Владислав Крапивин

Алые перья стрел

Эта книга написана в соавторстве с Сергеем Петровичем Крапивиным, который был свидетелем и участником многих изложенных здесь событий.

Памяти нашего отца – очень мирного человека, у которого учились будущие снайперы

Предисловие младшего соавтора

Эту трилогию мы с братом Сережей писали то садясь бок о бок и обсуждая каждую фразу, то разъезжаясь по разным городам и принимая на себя торжественное обязательство «выдать на-гора» самостоятельно столько-то глав. Надо сказать, что стиль наш был похож и потом мы иногда уже не могли вспомнить, что сочиняли порознь, а что вместе.

Писать рядом друг с другом было замечательно. Все строилось на воспоминаниях детства и юности – порой довольно драматичных, но часто озорных и жизнерадостных.

Теперь я смотрю на нашу книгу уже как бы издавека, отстраненно. Время – объективный и строгий судья. Чем больше проходит лет, тем точнее и определеннее оно расставляет акценты. Многие события и убеждения теперь принято рассматривать под иным углом зрения, нежели полвека назад. Возможно, нынешним читателям покажутся странными и наивными верность Красному знамени и стремление к подвигам у мальчишек тридцатых годов XX века (это в те-то страшные годы, когда их отцы то и дело исчезали в черных глубинах ГУЛАГа). Но жизнь – многогранна. Было страшное, а было и хорошее – крепкая дружба, ненависть к угнетателям всех сортов и окрасок, чистая вера в ясное и радостное будущее, которое непременно придет.

С верой в это будущее и шли в атаки на гитлеровцев вчерашние десятиклассники – порой без патронов, с одними штыками, а то и с голыми руками...

Можно сказать сейчас, что у тех людей в белорусской пуше, с которыми воевал Дмитрий Вершинин (и помогал ему в меру сил младший братишка), была своя правда. И было право отстаивать эту правду. Возможно, что так. Жизнь – штука многосложная, и, чтобы написать правдивую картину, черной и белой красок недостаточно. Но при всем при том правда братьев Вершининых не становится меньше, ибо замешана на ненависти к фашизму (который нынче то тут, то там вновь поднимает голову).

Поколение Вершининых было воспитано на фильмах о Гражданской войне, на песнях республиканской Испании, на подвигах Зои Космодемьянской и краснодонцев, чье мужество и ясность души тогда никто не смел подвергать сомнению. Это воспитание диктовало свой образ жизни, свои критерии и непреложные истины. И книга «Алые перья стрел» – книга о детях своего времени. К тому же – написанная ими самими.

Впрочем, ни в коей мере не следует считать этот роман автобиографическим. Как в любом приключенческом произведении, авторы здесь отдали большую дань фантазии. Однако немало там и такого, что было на самом деле. Немало и реальных прототипов тех персонажей, с которыми встретится читатель. В том числе и образ отца братьев Вершининых, которому авторы посвятили свою книгу...

Возможно, сейчас, при подготовке к переизданию, мой брат кое-что пересмотрел бы в тексте, посоветовал бы сделать изменения. Один же я что-то менять не решаюсь. Не имею права. А брата нет.

Сергей умер в Белоруссии, где жил все годы после войны. Умер через восемь месяцев после Чернобыльской катастрофы от стремительно развившейся лейкемии, какая бывает после радиационного облучения. Не берусь утверждать, что здесь есть прямая связь. Врач сказал: «Это коснулось очень многих. Люди покрепче могли и перенести, а здоровье Сергея Петровича... Вы же знаете сами...»

Не было к шестидесяти годам никакого здоровья. Были за плечами сорок лет непрерывной журналистской работы. Было яростное послевоенное время в западных белорусских краях, когда приходилось спать с автоматом под подушкой и то и дело рисковать головой. Были годы редакционных будней, утомительных спецкоровских командировок, постоянной войны с дураками и бюрократами (вечный журналистский удел). Были короткие радости от удачных очерков и репортажей и долгие периоды изматывающих душу конфликтов... И какое здоровье, если на всю жизнь остались в теле осколки гранаты – той, что взорвалась совсем рядом, когда брали в лесу вражеский бункер...

Я благодарен судьбе, что у меня был (и есть!) такой брат. И есть у нас общая книга.

Владислав Крапивин

Книга первая

Алые перья стрел

Афишная тумба похожа была на макет крепостной башни: круглая, с остроконечной крышей и коротким шпилем, на конце которого сидел шарик. Чуть покосившись, она стояла на заросшем лопухами перекрестке. С давних времен.

Сделали тумбу, видимо, из фанеры – на каркасе из досок. А потом на фанеру стали клеить афиши. Клеили постоянно, а обдирали редко, и за долгие годы тумба покрылась крепкой броней из бумаги и клейстера. Митька, однако, надеялся, что его стрела пробьет этот панцирь.

На плече Митька нес лук. Длинный легкий лук, сделанный из расщепленной лыжной палки. Палка была бамбуковая, пустая, и в желобок Митька вложил узкую стальную полосу – для пушей силы и упругости. Лук бил на сто шагов, а легкие тростниковые стрелы забрасывал вообще неизвестно куда. Но сейчас Митька взял только одну тяжелую стрелу с наконечником из пустой винтовочной пули.

На перекрестке было солнечно и пусто. В заросшем газоне за низким деревянным штакетником усердно трещали кузнечики. Штакетник подходил вплотную к тумбе – будто крепостной частокол к башне. Митька шагнул через него в траву и остановился перед коричневой афишей.

На афише нарисованы были остроконечные дома и маленькие марширующие фашисты. Все – коричневой краской. А на этом фоне выделялись две главные фигуры: крючконогая тетка в длинном черном платье со стеклышком в глазу (стеклышко называлось «монокль») и мальчишка в таком же, как у Митьки, матросском костюме, только не в белом парусиновом, а голубом. Тетка – баронесса – выглядела рассерженной. А мальчишка хитро смотрел в сторону и прятал за спиной смеющуюся куколку с красной звездой на шапке. Это был немецкий пионер Карл Бруннер.

Пьеса так и называлась – «Приключения Карла Бруннера».

Митька два раза ходил на этот спектакль в летний театр сада «Спартак». И не он один, а почти все ребята из его класса. Взрослым спектакль не так сильно нравился. Они говорили, что артисты эти будто бы не настоящие, а из какого-то клуба.

Ну и что? Пьеса все равно была совершенно правильная! Митька мог это полностью доказать, потому что он и книжку про Карла Бруннера читал. А то, что артисты ненастоящие, так это даже лучше. У настоящих артистов мальчишек играют женщины, а на это просто смешно смотреть. В прошлом году Митька был в городском театре на постановке «Приключения Тома Сойера», и этого Тома там изображала толстоногая тетя в штанах, похожих на футбольные трусы, и с длинными волосами, кое-как заправленными под мальчишечий парик.

А Карла Бруннера играл настоящий мальчик, такой же, как Митька! И правильно. Разве какая-нибудь тетенька сумела бы трахнуть штурмовика головой в пузо или свистеть в четыре пальца? А как этот мальчишка пел в конце пьесы знаменитую песню «Бандьера росса»? Два раза Митька был на спектакле, и оба раза весь зал подхватывал песню.

А баронесса – настоящая змея! Ну ладно...

Митька резко повернулся и пошел по высокой шелестящей траве, отмеряя дистанцию. Кузнечики зелеными брызгами кинулись в стороны.

Митька отмерил тридцать шагов. Он не сокращал их. Все по-честному, раз он сам поспорил, что засадит стрелу в башку баронессе с такого расстояния. С Виталькой Логиновым поспорил. Виталька мог бы и проверить, но не стал, потому что Митька поклялся «Алыми перьями», что не сжульничает.

А промазать Митька не боялся.

Он оглянулся еще раз (нет ли поблизости прохожих?), наложил на лук стрелу и медленно потянул тетиву к губам.

Только те, кто стрелял из хорошего лука, знают эту упругую радость, когда в руках тугая сила и ты уверен в метком выстреле.

Ш-ших! Тетива больно ударила по запястью (надо бы сделать щиток на руку, да все некогда). Стрела как бы растаяла, и тут же донесся стук наконечника.

Вот это да! На такую удачу Митька и не надеялся: стрела торчала в монокле баронессы.

Митька негромко крикнул «ура!» и бросился к тумбе, путаясь ногами в зарослях мышиного гороха.

Все было здорово. Жаль только, что наконечник вошел не очень глубоко. Видно, слишком толстой оказалась бумажная шкура.

Но Митька знал, что делать. Ведь главное – он попал. И теперь он считал себя вправе помочь стреле. Он встал на цыпочки, дотянулся и выдернул оперенное древко из наконечника. Затем нагнулся, чтобы поискать обломок кирпича. Кирпичом он хотел забить наконечник поглубже и опять вставить стрелу. Так будет надежнее. Но обломка не нашлось. Митька выскочил из газона, присел перед штaketником и дернул к себе деревянную планку. Заскрипели гвозди. Митька дернул еще раз, планка оторвалась, и он сел на дощатый тротуар. Шепотом сказал:

– Муй бьен, камарадос.

По-испански это приблизительно означало: «Все в порядке, ребята».

– Муй бьен, – согласился с ним насмешливый мужской голос.

По Митьке словно ток прошел. От пяток до затылка. Предчувствуя неприятности, он медленно оглянулся.

И увидел серые брезентовые сапоги. Митька начал поднимать глаза. Над сапогами он увидел синие галифе, затем синюю же гимнастерку под красноармейским ремнем, малиновые петлицы и молодое, симпатичное, но довольно безжалостное лицо милиционера.

– Безобразничаем... – не то спросил, не то просто сказал милиционер.

Митька молчал. Спорить было бесполезно, соглашаться – глупо. Митька встал, машинально отряхнул штаны и с упавшим сердцем стал разглядывать сапоги милиционера.

– Ну, придется прогуляться, – сказал милиционер и почему-то вздохнул. – До отделения.

Ну отчего так получается? Только что было все хорошо, и вдруг – раз! – валится на человека беда!

Митька чувствовал: если зареветь, сказать что-нибудь вроде «Дяденька, больше не буду, простите, я нечаянно», то, наверно, можно еще спастись. Но реветь и унижаться, когда у тебя в руках боевой лук и стрела с алыми перьями на хвосте, было невыносимо. Даже и не получилось бы.

– Идем, – сказал милиционер и подтолкнул Митьку в плечо. – Да не вздумай драпать.

Где уж тут драпать. У Митьки и ноги-то ослабели.

Они пошли по улице Герцена. По той самой, где он, Митька, родился и без особых несчастий прожил почти двенадцать лет. Мимо швейной мастерской, где работала мать Витальки Логинова; мимо забора, где нарисована была мелом старая лошадь, похожая на генерала Франко (Павлик Шагренев рисовал), мимо его, Митькиного, двора с двумя тополями, двухэтажным домом и флигелем.

Хорошо, что хоть знакомые не встретились. Вдали показалась вереница детсадовских малышей. Хоть бы не Лешкина группа! Не хватало еще, чтобы четырехлетний брат Лешка увидел, что случилось с его ненаглядным Митей! Слава богу, не они... Попалась навстречу маленькая девочка с жестяным бидоном – свободная и счастливая. Протарахтел голубой автобус – в нем тоже ехали счастливые и свободные люди. А по тротуару шагал несчастный арестованный Митька.

Потом они зашагали по Садовой. «Во второе отделение ведет», – обреченно подумал Митька. Чуть повернул голову и взглянул на своего конвоира. Молодой совсем, новичок наверно. Обрадовался, что поймал «нарушителя». Жулика или шпиона поймать не может, вот и привязался к Митьке.

Странно даже: такой парень, вроде и не злой с виду, на артиста Алейникова похож, а прицепился, как самая вредная зануда.

– Шагай-шагай, – поторопил милиционер, – не крути головой. – Подумал и добавил: – А еще, наверно, пионер...

– Ну и что... – хмуро сказал Митька.

– Ну и то. Вот узнают в школе, тогда увидишь что.

– Сейчас каникулы. Мы уже все экзамены сдали.

– Ничего, разберемся. Как фамилия?

– Сидоров.

Хоть и растерян был Митька, а сообразил: нет никакого смысла называть свою собственную фамилию.

– Имя?

– Валерий.

– Где живешь?

– На Перекопской. Дом три, – сказал Митька и с грустью вспомнил хорошего человека Валерку Сидорова, который жил раньше на Перекопской, а недавно уехал в Пензу.

– Ладно, шагай, – снова сказал милиционер.

Рядом был дощатый забор стадиона. В Митьке вдруг будто пружина сработала! Секунду назад он и не думал о бегстве, а тут вдруг кинулся к забору, подскочил, подтянулся изо всех сил, закинул ногу на кромку...

Крепкие пальцы ухватили Митьку пониже колена.

– Вы куда, гражданин Сидоров? Нам вроде бы не футбол смотреть.

Митька тяжело прыгнул в траву у тротуара.

– Странно даже, – сказал милиционер. – Шли, разговаривали... И вдруг – бац! Ведь договаривались же: не драпать.

– Ну что вам от меня надо?! Что я такого сделал?! – с прорвавшимся отчаянием воскликнул Митька.

– А тумбу кто дырявил? Может быть, я? Ты.

– «Дырявил»! Одна малюсенькая дырочка! Залепят – вот и все.

– Если все будут по тумбам стрелять, что получится?

– Все не будут, – безнадежно сказал Митька.

– Рейку зачем оторвал от штaketника? Разве не хулиганство?

– Я ее только на минуточку. Я потом бы опять приделал.

– Врешь, – убежденно сказал милиционер.

«Вру», – подумал Митька и сказал:

– Ничутьточки.

– Всю траву, можно сказать, в газоне вытоптал...

– Траву? Да там чертополох один, только ноги ободрал. Во! – Для убедительности Митька ухватил себя за щиколотку и подтянул вверх ногу. Царапины были похожи на след кошачьих когтей.

Но милиционер не разжалобился.

– Не скажи. Больше не ускачешь.

Он взял Митьку за локоть.

– Пустите, – хмуро попросил Митька. – Я больше не побегу.

– Знаем мы это дело.

– Ну... честное пионерское, не побегу. Пустите. А то знакомые встретятся, скажут: ведут, как вора.

– Честное пионерское начал давать... А ты пионер? У тебя и галстука-то нет.

– Просто не надел сегодня. Ну вот, я за значок берусь, он со звездочкой. Значит, не вру. Ну, честное слово!

Митька ухватился за тяжелый значок «Ворошиловского стрелка» второй ступени, которым оттягивал левый край матроски.

– Не считается это, – возразил милиционер. – Значок-то не твой.

– Не мой?!

– А твой, что ли? Был бы хоть еще маленький, а то взрослый «Ворошиловский стрелок»! Ты голову не морочь. Такой значок заработать – это не стрелы пулять, подвергая опасности прохожих.

– Во-первых, – сипловатым от обиды голосом сказал Митька, – никого я не подвергал. Во-вторых, значок все равно мой!. Вот!

Ему часто не верили, и он привык, но сейчас обида была сильная: схватил, ведет куда-то, насмехается да еще и не верит! Сам небось и стрелять не умеет как следует, хоть и нацепил кобуру с наганом.

Из нагрудного кармашка выхватил Митька сложенный вчетверо листок, уже порядком измочаленный и потертый на сгибах. С лиловой печатью Осоавиахима и подписью военрука. Это было временное удостоверение (для настоящего не нашлось корочек, обещали дать потом). Отпечатанные на машинке слова отчетливо свидетельствовали, что «ученик пятого класса „Б“ школы-десятилетки № 1 Дмитрий Вершинин выполнил норму...» Дмитрий Вершинин! А не...

Митькина рука остановилась в воздухе. Но милиционер выхватил из пальцев бумажку. И на лице его расцвела улыбка. Радостная, как у мальчишки, который выиграл спор.

– Я же говорил – не твой! Тут же не твоя фамилия!.. Постой... – Лицо его опять стало спокойным, а потом строгим. – Ты Сидоров или Вершинин?

– Вершинин, – тихо сказал Митька и стал смотреть в сторону.

Они помолчали несколько секунд.

– Нехорошо, гражданин Вершинин, задумчиво заговорил милиционер. – Чужая фамилия. Попытка к бегству...

«Издевается», – понял Митька.

Милиционер оторвал глаза от документа и пристально глянул на Митьку.

– А кто у тебя отец?

– Учитель.

– В первой школе?

– В первой...

– Петр Михайлович?

– Ага, – безнадежно сказал Митька. Он не удивился: отца в городе знали многие.

Все еще разглядывая бумажку, милиционер двинулся по тротуару. Видно, случайно он изменил направление и шагал теперь обратно, к улице Герцена.

Митька побрел следом: теперь все равно не убежишь. Найдут.

– Я ведь тоже в первой школе учился, – сказал милиционер. – У твоего отца, между прочим. Хороший учитель.

Надежда на спасение ярким огоньком засветилась перед Митькой.

– Да? – вроде бы удивился он. – Я вас не помню.

– Ну, а как ты можешь помнить? Я к вам домой не ходил. Да ты тогда совсем пацаненком был. Я в тридцать первом седьмой класс закончил. Потом работать пошел.

– Я по фотографиям почти всех помню, – бессовестно соврал Митька. – У папы есть фотоснимки всех классов, которые он учил. Может, вы непохожи тогда были? Ваша как фамилия?

– Жарников моя фамилия.

– А зовут вас... Матвей?

– Точно! Вспомнил?

– Угу... – сдержанно откликнулся Митька. Взгляд его стал веселым, а шаг – пружинистым. Все-таки ему везет!

– Вот видишь, – наставительно заговорил Матвей Жарников, – мы с тобой, выходит, знакомые. Как-то неловко получается. Вот пришел бы я сейчас с тобой к твоему отцу, рассказал бы про все... Что он сказал бы?

– Ну, что... – начал Митька, стараясь точнее рассчитать удар. – Он сказал бы: «Здравствуйте, Жарников, рад вас видеть». Сказал бы: «Как поживаете? Не делаете больше механизмов, чтобы школьные скелеты махали руками, пускали дым из глаз и кукарекали? Не доводите больше учителей до обморока? Это похвально».

– Ч-черт возьми... – произнес Матвей и свернутым Митькиным удостоверением почесал кончик носа. – Все еще помнит?

– Он мне про это раз десять рассказывал.

– Да-а... Ну, я тогда маленький был.

– В шестом классе, – беспощадно уточнил Митька.

– Пить что-то хочется, – сказал Жарников. – Вон там вроде клюквенный морс продают, киоск открыт. Пойдем?

– Можно... Хотя нет, у меня ни копейки...

– Ладно уж. Возьми-ка свой документ.

Потом, когда они у голубой будки глотали теплый и довольно противный морс, Матвей спросил:

– А все-таки чего тебе приспичило в тумбу стрелять? Ну нарисовал бы на заборе мишень, где-нибудь подальше от глаз, да пулял бы.

– Дак это целая история, – сказал Митька. – Долго рассказывать. Если все по порядку говорить, то даже не знаю, с чего начать... Есть у нас в школе немка Адель Францевна. Ты ее... То есть вы ее, наверно, знаете...

Ух и шумная была история!

Она случилась в середине мая. Полкласса, в основном мальчишки, не выучили урок по немецкому. Ну, сами понимаете, на дворе уже полное лето, а тут сиди и зубри, как два балбеса – Петер унд Отто – шпацирен в лесу унд баден в речке. Мальчишки из пятого «Б» предпочитали сами шпацирен и баден, хотя вода была еще зверски холодная.

Но Адель Францевну это не интересовало. На каждом уроке она грозила «неудами» и переэкзаменовками. Она требовала прилежания и порядка.

Надо было оттянуть беду. И в самом начале урока маленький, симпатичный и очень вежливый редактор отрядной стенгазеты Павлик Шагренев спросил у Адели Францевны, понравилась ли ей пьеса «Приключения Карла Бруннера».

– М-м? – удивилась Адель Францевна. – Ах, ты имеешь в виду эту постановку... Ну конечно, вам она должна нравиться. Но когда вы повзрослеете и станете смотреть на вещи более взыскательно, то поймете, что это совсем не блестяще.

– А почему? – задиристо спросил с места Митька.

– Слишком много пафоса и весьма недостаточно мастерства. Я говорю об игре исполнителей. Вы меня понимаете?

– Вполне, – сказал Павлик. – Только... Вот всем нам кажется, что игра не такая уж плохая. Наоборот. Вот помните баронессу? Как она...

– Да-да, – снисходительно согласилась немка. – Эта дама играет действительно несколько лучше остальных.

– А Карл? – воскликнул Митька. Он по правде обиделся и разозлился. Будто его самого задели.

Адель Францевна устремила на Митьку свое пенсне.

– Ты говоришь о мальчике, исполнявшем роль Бруннера? Ну что же, он достаточно мил... Но это просто мальчик, а не актер. Он ведет себя так, словно все это происходит у нас в городе, а не в Германии. А там иной уклад жизни, иные обычаи и мальчики тоже другие.

– Какие это они другие? – недовольно спросил с задней парты похожий на сердитого скворца Игорь Цыпин (по прозвищу Цыпа). – Что, там у ихних пацанов уши на затылке растут, что ли?

– Цы-пин... – возмущенно выдохнула Адель Францевна.

– Извините, это он нечаянно, – торопливо заговорил Павлик Шагренев, а бестолковому Цыпе показал за спиной кулак. – Но нам всем непонятно... Конечно, у капиталистов дети не такие, как мы. А у рабочих?

– Они такие же пионеры, – агрессивно сказал Митька.

– Ну безусловно. Я имею в виду не классовые различия, а некоторые особенности... Впрочем, это сложно для вас. Я только хочу сказать, что для этого мальчика полезнее было бы не играть на сцене, а без пропусков занятий учиться в школе. Театр отвлекает его от учебного процесса.

– А может, он отличник, – опять не выдержал Митька.

– Возможно. По крайней мере, я уверена, что с немецким языком у него все в порядке. К сожалению, про вас этого не скажешь. И потому пусть Цыпин выйдет к доске и переведет первые пять строчек текста, который был задан.

Цыпа шумно вздохнул и пошел навстречу неизбежности.

Вторым она вызвала Вершинина.

– Можно, я лучше стихотворение Гете по-немецки прочитаю? – безнадежно спросил Митька.

– Конечно, можно, мы все послушаем с удовольствием. Только после того, как сделаешь заданный перевод.

После Митьки схлопотали «неуды» еще шесть человек.

У Адель Францевны от возмущения тряслись на висках рыжеватые букли прически.

– Ёлки зеленые, – шепотом сказал Митьке Виталька Логинов и от переживания вцепился в свой белобрысый чуб. – Как по заказу: почти все из нашего звена.

– Потому что самые лодыри, – тут же влезла в разговор Эмма Каранкевич, председательница совета отряда. Она сидела впереди Митьки.

– Насчет лодырей на перемене поговорим, – пообещал Вершинин.

– Очень испугалась!

Всю оставшуюся часть урока Адель Францевна говорила о том, как пагубны лень и легкомыслие. Наконец она велела всем, кто получил «неуды», остаться после занятий и удалилась, держа указку как рапиру.

Они остались. Но в их душах кипело негодование.

– Теперь три часа будет мучить, – сказал Цыпа и пнул парту. Старая парта крикнула.

– Это она нарочно «неудов» навтыкала, – мрачно сообщил Митька. – Из-за пьесы разозлилась. Потому что мы Карла стали защищать.

– Она, между прочим, сама на ту баронессу похожа, – вдруг заявил Сергей Иванов, человек молчаливый и сосредоточенный. Он говорил всегда немного, но умно и безошибочно. К его словам следовало прислушаться.

– А правда! – подхватил Виталька. – Такая же худая и старая. И вредная. Только не со стеклом в глазу, а с очками.

– Пенсне, – сказал Павлик.

– Какая разница!

– По-моему, она шпионка, – сказал Цыпа. Он был сердит больше всех: папаша его часто лупил за «неуды».

– Ну-у, Цыпа! – Виталька от удивления замотал чубом. – Ну ты сказал! Она на шпионку похожа, как ты на отличника.

Цыпа молча поддернул длинные, сморщенные на коленях штаны и влез на учительский табурет.

– Дурак ты, а не звеньевой, – сказал он Витальке с высоты. И как с трибуны обратился к остальным: – Шпионы разве бывают похожи на шпионов? Их бы тогда сразу всех переловили. Шпионов как узнают? Потому что они вредят. А она разве не вредит? Вот она оставила нас после уроков, а Пашка в авиамодельный кружок опаздывает. Он, может, хочет истребителем стать, а как он станет, если ему не дают в кружок ходить?

Павлик Шагренов, который до сих пор не помышлял о профессии истребителя, подтянулся и стал поправлять под ремнем рубашку.

– А я?! – завопил Митька. – У меня в два часа стрелковая тренировка! Завтра соревнования! Мне на «Ворошиловского стрелка» сдавать!

Он стукнул кулаком по левому карману матроски, на который собирался привинтить значок.

– Во! Я же говорю! – воскликнул Цыпа и возмущенно завертел тонкой коричневой шеей.

Трах! В класс влетела Валька Голдина. Захлопнула дверь и вцепилась в ручку. Обернулась и свистящим шепотом сообщила:

– Гонятся!

Дверь задергали.

– Отпусти, – велел Сергей Иванов. – А сама иди сюда.

Дверь распахнулась. На пороге возник похожий на третьеклассника-отличника Талька Репин, председатель совета отряда пятого «А». По определению Серёги Иванова – «маленький, а вредный».

– Ага! Вся компания! – ехидно сказал Репин. – Знает, куда бежать...

– Чего надо? – сухо вато спросил звеньевой Логинов.

– Вот ее надо. – Талька подбородком указал на Валентину. У него за спиной сопели два здоровых телохранителя.

– У нас сбор звена, – сказал Виталька.

– А у нас сбор отряда. Чего она со сбора отряда бежит?

– Сбор на тему «Об итогах четвертой четверти и о подготовке к успешной сдаче годовых экзаменов», – нудным голосом продекламировал Павлик.

– Не твое дело, – сказал Репин.

– Не его, не его – согласился Митька. – И не Валькино. Она в нашем звене. Значит, в нашем отряде! Пора бы понять!

– Как это в нашем? Она в нашем классе учится!

– Одно дело – класс, а другое – отряд! Она с нами в одном дворе живет! С малых лет, с самых детсадовских! Мы проголосовали, чтоб в нашем звене!

– А мы у СПВ спрашивали! Она говорит, что так нельзя!

– СПВ говорит?! – взревел Виталька. – А она у нас спрашивала? Она сама ничего не знает и даже не разбиралась!

СПВ – старшая пионервожатая – не была для Витальки авторитетом. Она пришла в школу месяц назад и, судя по всему, не собиралась задерживаться в своей должности.

А спор о Валентине был далеко не первый. Она еще осенью объявила, что хочет быть в звене с теми, с кем у нее «разные полезные дела, а не всякие проработки про успеваемость». «Полезные дела» у нее были с Митькой, Виталькой, Серёгой и прочей компанией. Пятый «А» запротестовал. Из принципа. А Виталькино звено дружно проголосовало «за».

– Она им нужна, чтоб процент успеваемости поднимать, – пустил шпильку Павлик Шагренев.

– Нам такой процент тоже не лишний, – сказал с табурета Цыпа.

– Завтра приди только в класс! – пообещал Валентине председатель пятого «А». – Поговорим...

– Я с тобой и сегодня могу поговорить. На улице, – сказала Валентина. Худая, длинная, темноволосая, сердитая, она выглядела сейчас грозно.

Противник удалился.

– Ух... – сказала Валька. – Ну хорошо, что вы тут. А то не знала, куда бежать... А почему не сказали, что сбор? – Она неласково взглянула на Витальку.

– Да какой сбор... Так сидим.

– Разговариваем, – объяснил Серёга Иванов. – Про баронессу Адель фон Неуд.

– А-а, после уроков оставила! И вы сидите? Ну и олухи!

– Вообще-то мне некогда. У меня тренировка, – сказал Митька...

Спать Митька лег пораньше. На всякий случай. И правильно. Отец, вернувшись из школы, спросил:

– Где этот пар-ршивец?

– Что случилось? – захолопотала мама. – Только, пожалуйста, не нервничай, иначе я ничего не пойму. Опять «неуд»?

– Мало того! Их, голубчиков, оставили заниматься после уроков. Адель Францевна тратит время, чтобы вытянуть этим балбесам приличные оценки, а эти... эти... Она идет в класс, а дверь заперта! Изнутри! Как потом выясняется, ножкой от табуретки. В классе – никого, окно открыто. Но мало и этого! На двери мелом написано: «Но пасаран!» Эти лодыри решили лень свою и безобразия прикрыть республиканскими лозунгами!

Митька в своей постели начал дышать глубоко и ровно. В этом было единственное спасение.

– Не шуми, он спит, – осторожно сказала мама.

– Плевать! – сказал отец, известный в городе преподаватель русского языка и литературы. – Да-да! Плевать! Где мой ремень?

– Ты с ума сошел!

– Нет! Я не сошел с ума! Пусть! Пусть это будет крушением всех моих педагогических принципов, но я этого паршивца... Где ремень?

– Какой ремень? Ты всю жизнь ходишь в подтяжках.

– Не-ет. У меня был. Я в нем ездил на рыбалку.

Митька ровно дышал. Крушения педагогических принципов можно было не бояться: отцовский ремень он давно пустил на обмотку лука. Но что будет завтра?

Назавтра отменили урок арифметики и устроили классное собрание. Сначала выступала классная руководительница Вера Георгиевна. Сообщила, что за такие дела исключают из школы. Да-да, нечего удивляться! То, что натворили эти семь человек, не простое хулиганство, а... Даже слов нет! Ведь не маленькие! Вон, многие уже в длинных брюках ходят, взрослые прически устраивают, а в голове что?

Митька напряженно смотрел в окно и думал о своем. Из школы, он знал, не выгонят, высказывание о брюках и прическах его не касалось, а в голове у него было вот что: «Не вспомнили бы только, что сегодня соревнования!» А то придет он в тир и услышит от военрука: «Ничего не могу поделать. Приказ директора – не допускать». Конечно, он тоже будет огорчен: Митька у него в кружке самый маленький, но самый способный. А что делать? Приказ есть приказ. Военрук – человек военный.

Вообще-то он славный дядька. Недавно принес в кружок новую «малопульку» ТОЗ-8. Не «семерку», а «восьмерку». У нее прицел совсем другой: поставлен намушник. Черное яблоко мишени легче просматривается, словно само садится на мушку. И спуск мягче. Митьке военрук первому дал ее попробовать. Три патрона. Митька сразу выколотил двадцать девять очков.

Жаль только, что мало военрук дает стрелять. Да еще, прежде чем допустить к винтовкам, целый час рас рассказывает об иприте и фосгене, потом в противогазе гоняет. А в тир – напоследок.

Кроме того, еще полчаса лазают ребята по тиру на коленях и собирают гильзы, потому что каждый патрон у военрука на учете и, если гильза не нашлась, он ругается. Говорит, что не сможет отчитаться.

Военрука старшеклассники прозвали «генерал Скобелев». Никакой он не генерал, конечно, и даже не Скобелев, а младший политрук Кобелев Степан Васильевич. На свою беду, он однажды в школьной стенгазете поместил заметку: «Почему в кружках ПВХО и ВС мало девочек?» и подписался: «С. Кобелев». Один десятиклассник ядовито заметил:

– Тоже мне, Скобелев. Генерал на белом коне.

Десятиклассника потом чистили на комсомольском собрании, но прозвище к военруку прилипло намертво.

Младшие ребята любили «генерала». Он вместе с ними самозабвенно ползал по школьному подвалу, где расположен был тир. Выискивал затерявшиеся стреляные гильзы, протирая на коленях свои шикарные диагональные галифе, и уговаривал:

– Товарищи, найдите еще четыре штуки. Мне же их сдавать...

В тире после недавних выстрелов пахло порохом, и этот вдохновляющий запах заставлял ребят тоже ползать. В надежде, что Степан Васильевич даст пальнуть еще по разику. И такое случалось: облегченно вздохнув, военрук засовывал найденные гильзы в пустую коробочку, а из другой доставал патроны.

– В порядке поощрения, – официально произносил «генерал Скобелев», отряхивая свои диагональные колени...

От мыслей о военруке Митьку отвлек голос директора:

– Речь идет не о наказании. Вернее, не только о наказании. Я хочу, чтобы вы поняли, очень хочу...

Директор Андрей Алексеевич был добрый человек. Сразу было видно, что он добрый: невысокий, полный, с очень круглым, улыбчивым лицом. Как мистер Пиквик. Иногда он сердился и пытался быть строгим, но получалось это у него плохо. Учителя знали, что пугать директором бесполезно даже первоклассников. И пугали завучем, Сергеем Осиповичем. Но завуча сегодня, к счастью, не было.

– Вы обидели, – продолжал директор, – Адель Францевну. Очень обидели. Она работает в нашей школе восемнадцать лет, а вы... Да, она строга. Но когда вы станете старше, вы поймете, что строгость – это тоже доброта... Кроме того, вы обидели тех, кто сражается в Испании. Да, не спорьте. Вы ради озорства написали лозунг бойцов, которые сражаются с фашистами. Что скажут испанские ребята, когда узнают об этом случае?

– Они не узнают, – успокоил Павлик Шагренев.

– Почему ты уверен? Шесть испанских мальчиков приедут на днях в наш город. Они будут жить у нас, пока там война. А учиться будут в нашей школе, потому что...

Добрый Андрей Алексеевич никак не ожидал того, что случилось. Ведь он просто хотел доказать Шагреневу его неправоту. И оглушительно взорвавшееся «ура» буквально отбросило директора от стола к доске.

– Что такое? – сопротивлялся он. – Я не... В самом деле... При чем здесь «ура»?! Я не понимаю... Когда в гороно узнают про этот случай, их отправят в другую школу.

– А вы не говорите! – вопил Цыпа, вытягивая из свитера птичью шею. – Мы больше не будем!

– Мы перед Адель Францевной сто раз извинимся!

– Это у нас случайно!

– Потому что она за баронессу заступалась. А не потому, что «неуды»!

– Мы извинимся!

– Они извинятся, Андрей Алексеевич! Мы им еще сами напинаем!

– Я тебе напинаю!

– А ты молчи!..

Директор махал руками, словно отбиваясь от пчел. Наконец Вера Георгиевна вытянула указкой по столу так, что из щелей взвилась пыль. Стало тихо.

– Я не понимаю... – начал Андрей Алексеевич. – То есть я все понимаю, но почему такой шум? И при чем здесь какая-то баронесса?

Эмка Каранкевич ехидно оглянулась на Митьку.

– Это они, Андрей Алексеевич, из-за пьесы спорили. Вершинин воображает, что он на Карла Бруннера похож. А Адель Францевна правильно говорит, что...

– Я воображаю?! – взвился Митька. – Ты лучше помалкивай? Сейчас не пионерский сбор, а классное собрание. Верно ведь, Андрей Алексеевич?

– Ну почему же, почему же... Можно и сбор в то же время. Я не вижу, почему бы пионерскому начальству не высказаться.

– А если сбор, пусть Вальку Голдину позовут, она в нашем звене, – вмешался Виталька Логинов, почувывая, что гроза слегка развеялась.

– Что еще за новости! – возмутилась Вера Георгиевна. – Опять вы об этом? Андрей Алексеевич, они вбили себе в голову, что Валя Голдина из пятого «А» должна быть непременно в их звене. Объясните им, пожалуйста, что это абсурд.

Она замолчала, чтобы передохнуть, а вежливый Павлик Шагренев поднял руку и встал:

– Вовсе не абсурд, Андрей Алексеевич. Голдина всегда с нами. Мы даже в один детский сад ходили. У нас все дела вместе и зимой и летом.

– Вроде вчерашнего, – вставила Вера Георгиевна.

– Нет, не вроде, – бесстрашно отрубил Павлик. – У нас хорошие всякие дела. Голдина помогала Иванову по арифметике исправляться. И вообще.

– Ну... я не знаю. – Директор развел руками. – Это какие-то тонкости пионерской работы. По-моему... А впрочем. Вера Георгиевна, есть простой выход. Раз уж они так хотят быть вместе, давайте в будущем году переведем Голдину в «Б». Это несложно.

Нельзя сказать, что Вера Георгиевна засияла от восторга. Но класс опять гаркнул «ура!», кричало главным образом Виталькино звено.

– Ну-ну, голубчики, – сказал директор. – «Ура» – это хорошо, но по выговору вы получите. Учтите.

– Правильно, Андрей Алексеевич! – в припадке самокритики воскликнул Виталька. – Даже по строгому!

– Это уж, дорогой мой, без вас решат... Идемте, Вера Георгиевна, сейчас перемена.

Едва они скрылись за дверью, Цыпа вскочил на парту и сделал страшное лицо:

– Ти-хо, вы...

Класс замер. И слышно стало, как директор за дверью оправдывается:

– Ну что вы, любезнейшая Вера Георгиевна, ничуть я не потворствую... То есть я потворствую, но только в хорошем смысле. А что касается вчерашнего, то я уверен: они поняли и вполне...

В общем, все кончилось «вполне». Для всех, кроме Митьки. Митьку же дома поставили в угол. Как напроказившего дошкольника. Даже хуже, чем дошкольника. Младшего сына Лешку, например, отец никогда в угол не ставил.

Митька стоял, прислонившись затылком к штукатурке, и разглядывал спину отца. Спина была в полосатой рубашке и перекрестье подтяжек. Отец сидел у стола и проверял тетради. В Митькиной голове крутилась неизвестно откуда взявшаяся фраза: «Целься в скрещение подтяжек на спине противника».

Но отец не был в полном смысле противником, и ковбойские методы здесь не годились. Нужна была дипломатия.

– В конце концов, – сказал Митька, – это непедагогично.

– Тоже мне Песталоцци, – откликнулся отец. – Выдеру, тогда узнаешь.

– Что я, маленький – в углу стоять?

– Нет, – сказал отец, черкая пером с красными чернилами. – Не маленький. Маленькие стоят час или два. А ты будешь до самого вечера.

– Не могу я до вечера, – осторожно объяснил Митька. – Что ты, папа. У меня же в четыре часа соревнования.

– Вот как? – иронично спросил отец.

– Ну я же команду подведу, – шепотом сказал Митька.

– Не ври. У вас личные соревнования. Сдача норм. Степан Васильевич мне говорил...

Кстати, я очень жалею, что упросил его взять тебя в кружок. На пользу тебе это не пошло.

Отец действительно просил за Митьку «генерала Скобелева», потому что пятиклассников в кружок ВС не брали. И это был единственный случай, когда Митька извлек выгоду из служебного положения отца. Но ведь он не подвел ни отца, ни военрука! Он же ничуть не хуже старшеклассников!

– Почему ты говоришь, что не пошло на пользу? – обиженно спросил Митька.

– Потому что у тебя все мысли только о стрельбе. Кто много думает об удовольствиях, забывает о делах.

– Стрельба, по-твоему, удовольствие? – спросил Митька. – Стрельба – необходимость!

Он, словно опытный фехтовальщик, воспользовался промахом противника. И наносил удары отточенными фразами:

– Если мы не будем уметь стрелять, что делать, когда нападут фашисты? Будем говорить им по-немецки: «Простите, господа, мы не умеем, мы в углу простояли и не научились!»

– Ты демагог, – сказал отец.

– Ни капельки! Нам генерал... то есть военрук говорит, что мы укрепляем обороноспособность!

Отец закрыл очередную тетрадь и заметил, что если обороноспособность будет возложена на таких шалопаев, то на будущее он не надеется.

– А почему тогда у нас в тире написано: «Каждый новый ворошиловский стрелок – удар по фашизму»?

– А там не написано: «Каждый хулиган и неуч – удар по нам»?

– А... – начал Митька и заплакал.

Обида прорвалась слезами в одну секунду, и остановить их не было никакой возможности. Митька начал вытирать слезы концами галстука, но это было неудобно. Тогда он сдернул

серебристый значок-зажим, скреплявший галстук на узле, и широким красным углом стал размазывать слезы по щекам.

Отец удивленно обернулся. Сын его был совсем не похож на сурового снайпера, ворошиловского стрелка и грозу фашистов всех мастей. Это был просто маленький Митька, с зареванным лицом, лохматый, в мятом матросском костюме и пыльных, стоптанных уже сандалиях. Отцу стало жаль его, и он поступил непедагогично – сказал:

– Убирайся.

Норму Митька выбил. Но значок выдали не сразу, а только через три недели когда пятиклассники сдали экзамены и на торжественном собрании получали табели.

Вечером того же дня Митька созвал в штабе друзей.

О штабе надо рассказать по порядку.

Он располагался в сарае. Сарай был полутрехэтажный. Внизу – дровяники, курятник скандальной соседки Василисы Тимофеевны и коза семейства Голдиных. Наверху – сеновал. В центральном отсеке сеновала уже оборудован был штаб «БП». За кучами сеновой трухи и мусора пряталась фанерная будка. Называлась она «шатер». На стенах шатра висели луки и колчаны, портреты Вильгельма Телля и Робин Гуда, а также бумажные мишени, в центре которых торчали белооперенные стрелы.

Вот поэтому и «БП» – белые перья.

Год назад Митька прочитал роман Конан Дойла «Сэр Найгель».

В «Сэре Найгеле» из луков стреляли научно. Вымеряли направление и силу ветра. Для оперений брали перья не степных, а только горных орлов. Преимущественно светлые. Прославленных лучников герцог награждал белокрылыми стрелами. Например, за то, что они с расстояния в сто ярдов могли перебить трос флагштока на вражеской крепости. Знамя падало, рыцари бросались на приступ. Крепость сдавалась.

В отряд «БП» вошли сначала четверо: Митька, Сергей Иванов, Виталька Логинов и Цыпа. Затем поведали тайну Павлику Шагреневу, который бесподобно рисовал зверей и фашистов, необходимых для мишеней.

В скором времени Митька обнаружил у своего соседа по квартире третьеклассника Вовки Шадрина удивительную книгу «Русскія лучники. Изъ исторіи вооруженія російской арміи отъ Владиміра Светлаго до Ивана IV Грознаго. Санкт-Петербургъ. 1898. Дозволено Цензурою». Книга была до отказа набита картинками, а устройство луков и стрел описывалось так подробно, что Митька тут же изъяс нашел у Вовки.

Вовка заревел. Он сослался на то, что взял древнюю книгу из шкафа у деда. Дед был отставной преподаватель истории, довольно вредный старик, это Митька знал. Пришлось принять в отряд и Вовку Шадрина.

Но в общем-то и санкт-петербургская инструкция не давала практических советов, как самому сделать настоящий лук и стрелы. Приходилось туго. Не было, например, бука. Ветки с могучих тополей, росших во дворе, не годились. Пришлось добывать черемуху и бамбук. А для тетив явно не хватало бараньих кишок и воловьих жил. Правда, внизу, под сеновалом, жила голдинская коза, но еще неизвестно, когда ее зарежут. Спросили об этом у Вальки. Она ответила в том смысле, что не обязана думать о нуждах «Белых перьев», поскольку в отряде не состоит.

Приняли и Валентину.

Сразу стало легче делать стрелы. До сих пор не хватало перьев, особенно белых, а сейчас вопрос решился. Валентина на правах девочки была вхожа в курятник Василисы Тимофеевны: «Можно, я курочек покормлю? Можно мне цыпляток посмотреть?» – «Сходи, милая, возьми ключ. Аккуратно только».

В курятнике жил белоснежный петух. Бывал, конечно, он и на дворе, но при первом приближении Митьки, Сережки или Цыпы он мчался к дыре под дверью курятника.

– Называется «рефлекс», – мрачно говорил Митька.

Вальке дали задание добыть оснастку для стрел. И в тот же день она доставила в штаб шесть дивных перьев: два хвостовых и четыре из крыльев.

– Маховые – они лучше, – поблагодарил Митька. – Орал?

– А ты слышал? – озлилась Валентина...

– Не...

– Я его башкой в мешочек с пшеном. Он лопаёт, а я дергаю. Только лапами царапался.

Митька уважительно покосился на Валькины запястья...

Петух возненавидел Валентину больше, чем ребят. И за зиму эта ненависть не прошла. От Вальки он не прятался в курятник, а мчался к дому, взлетал на уровень второго этажа и усаживался на карниз одного из окон Василисы Тимофеевны. Оттуда он даже не орал, а как-то непонятно хрипел на Вальку.

Василиса распахивала окно и принималась оглаживать поредевший мундир любимца.

– Кто тебя, Петенька, обидел? Кто?

Петенька пытался показать оранжевым глазом на Вальку, но та уже сидела на заборе, вне Василисиной видимости.

В последний рейд за перьями выпало отправляться Серёге. Митька предупредил, что ради операции придется разобрать чердачное перекрытие. Серёга сказал:

– Сделаем.

Работать он любил. Саперной лопаткой он вскрыл верхний слой. Сенная труха, песок, опилки, снова песок. Бревно. Толстое, но трухлявое. Поддалось обыкновенной ножовке. Выпиленный кусок бревна Серёга отнес в шатер: сидеть на нем будет удобно.

Сразу под бревном обнаружилась фанера: это уже была потолочная обшивка курятника. Серёга раздолбал ее пяткой и поглядел вниз. Куры, на которых свалились обломки фанеры, кудахтали почти стихотворно: «Куд-куда? Вы откуда, вы куда?»

А петуха не было. Наверное, гулял во дворе. Серёга решил подождать. И дождался. Петух был доставлен в курятник на руках Василисы Тимофеевны. Он томно склонял гребень на рукав хозяйки, а она потерянно лопотала:

– Прости меня, Петенька, дуру старую, что обкормила. Сиди тут и выздоравливай. Сиди, милый...

Сверху Серёге был виден только волосяной кукиш на затылке Василисы Тимофеевны. Кукиш скорбно покачивался. Потом он исчез за дверью курятника.

«Черта с два выживет, – решил Серёга, увидев, как петух после ухода хозяйки опрокинулся на спину и замахал лапами на приблизившихся кур. – Не иначе, гречневой крупы обожрался. А в ней железо».

Серёга еще два раза ударил пятками, и дыра в фанере превратилась в люк. Серёга нырнул в курятник.

Курицы разбежались, и петух остался один на один с Серёгой. Вредные Петькины глаза задернулись пленкой. Когтистые лапы чуть подергивались. Агония. Серёге стало очень жаль петуха. В конце концов, он был храбрый и хороший: умел постоять за себя. А сейчас его выбросят. В лучшем случае Василиса закопает его за помойкой.

Перьям-то не пропадать!

Серёга взялся за хвост. Петух заорал почти человеческим голосом и так внезапно, что Серёга кинулся не к люку, а к двери курятника. И столкнулся с Василисой Тимофеевной. Оказывается, она далеко не уходила.

Услышав петушиный вопль, она рванулась к двери, и Серёга угодил ей головой в «поддых». Василиса Тимофеевна сама кудахтала. Серёга без памяти взлетел на сеновал.

Вечером Василиса Тимофеевна донесла на Серёгу отцу. Старший Иванов – механик судоремонтных мастерских, человек молчаливый и решительный – за ухо отвел Серёгу к Василисе и велел извиняться.

А за что? Если бы перед петухом, тогда еще понятно. А почему перед Василисой? Не из нее же он перья дергал. Напрасно Серёга уверял, что вины его нет, что нервная встряска пошла петуху только на пользу: он ожил.

Пришлось просить прощения. Эта унижительная процедура доконала Серёгу, и он заявил: – Чтоб они сгорели, эти стрелы! Одни неприятности. Хватит.

Его неожиданно поддержал Вовка Шадрин. Он заявил, что лучше взять на вооружение рогатки: они удобнее и незаметнее.

Тогда Митька не принял разговор всерьез, хватало других забот: конец учебного года, экзамены. Но вот экзамены кончились, а никто не вспоминал, что надо возобновлять деятельность отряда.

Была, по правде говоря, еще одна причина, по которой Митька собрал ребят: хотелось похвастаться перед ними значком.

Значок был что надо! Со стрелком и маленькой черно-белой мишенью. С большой звездой и флагом. Тяжелый, второй ступени. Немного похожий на орден Красного Знамени.

Мальчишки щупали значок и вздыхали. Нетактичный Цыпа сказал:

– Хорошо, когда папаша в школе работает. Если б у меня работал, я бы тоже...

– Папаша мне, что ли, норму выбивал? – разозлился Митька.

– А записал кто?

– Ладно вам, – сказал Виталька. – Ругаться собрались?

Настоящего командира в отряде «БП» не было. Командовали как получится. Иногда – Виталька, потому что звеньевой, а в «БП» все из одного звена (кроме Вовки, которого приняли условно). Иногда – Серёга, потому что самый серьезный. Иногда – Митька, потому что в оружии разбирался лучше других. Случалось, что и Валька командовала, потому что девчонка, а с девчонками спорить бесполезно.

– Давайте о делах говорить, – сердито предложил Митька.

– Не все еще пришли. Вовки нет, – сказал Виталька.

– Да ну его! Всегда опаздывает... А, вот он!

На лесенке застучали подошвы, зашатался пол, и в дверном проеме «шатра» возник Вовка.

– Хорош, – сказала Валентина.

– Каррамба! – сказал Цыпа (он считал себя похожим на испанца, хотя в самом деле походил на черную курицу).

Вовка был достоин таких возгласов. Запыленный он был и встрепанный, рубашка выбилась из штанов, которые держались на одной лямке (вторая, оборванная, была запихана в карман), в курчавой голове торчала солома.

– Мировецкий вид, – сказал Серёга. – Волки за тобой гнались?

– Корова... – выдохнул Вовка.

– Корова гналась?

– Корова здесь будет жить, – отчаянным шепотом сообщил Вовка. – Ясно вам? Сидите тут, заседаете... Жада корову купил. Будет жить внизу, рядом с Василисиным курятником. А здесь, наверху, – сеновал.

– Врешь, – машинально сказала Валька.

– Ты, Голдина, глупая, как рыба, – сказал Вовка и поддернул штаны. – С тех пор как меня в пионеры приняли, я еще ни разу не врал, это все знают... Корова рыжая с пятнами. И теленок. Василиса и Феодосия разговаривали в огороде. Я их выслеживал, просто так, будто шпионов... Феодосия жаловалась, что ей работы прибавится.

– Это не Жадин двор, – заявил Цыпа. – Пусть он катится... Не его сарай.

– Ему домоуправша разрешила. Он его в эту самую взял... Ну, в эту... когда деньги платят.

– В аренду?

– Ага.

Вовка втиснулся на скамейку между Митькой и Серёгой. В штабе, над которым нависла угроза вражеского вторжения, стало тихо. Приунывшие стрелки сидели тесной кучкой, и вечернее солнце, пробившись в щели, перепоясывало их оранжевыми шнурами. Пахло пылью, курятником и старой соломой. Не очень-то приятный запах, но он был привычным. Привычными и очень милыми были фанерные стены «шатра» с мишенями и портретами рыцарей. Подумать только, пять минут назад еще казалось, что все это надоело!

– Вытряхнут нас отсюда, – вздохнул Виталька.

– Не имеет права он, буржуй несчастный! – вскипел Цыпа.

– Будет он тебя спрашивать, – сказал Митька.

– Что делать? – спросила Валька.

– Подумаем, – сказал Серёга. – Мало нам было Василисы! Еще один появился такой же...

– Я знаю, – сказал Вовка Шадрин и локтем энергично вытер нос. – Знаю, что делать.

– Я тоже, – сказал Павлик. – Мстить!

Василия Терентьевича Гжатова не любили все, кроме Василисы Тимофеевны. Взрослые поговаривали, что, работая завхозом, он главным образом заботится об одном хозяйстве – о своем.

Мальчишки, от которых он усердно оберегал свои яблони, прозвали его Жадой. Серёгин отец с усмешкой говорил:

– Д-домохозяин...

Жил Василий Терентьевич в соседнем дворе. Дом у него был большой, с верандой, и сад приличный. Сад охраняла собака Джулька, но ребята приручили ее, чтоб не лаяла, и Жада ее повесил. Митьку потом долго грызла совесть.

Хозяйство вела двоюродная Жадина сестра со странным именем Феодосия – очень худая, высокая тетка, всегда до самых глаз закутанная в платок или косынку. Говорила Феодосия медовым голосом, но по натуре своей была довольно вредная особа.

А еще был у Жады патефон. Красный, новый и громкоголосый. Жада добыл его этой весной. Майскими вечерами патефон ставили на веранде, и он бодро орал популярные песенки: «У меня такой характер», «Все хорошо, прекрасная маркиза», «Я – кукарача». Молодежи в доме не было, танцевать было некому, но патефон усердно выталкивал из жестяной утробы: «Танцуй танго! Мне так легко!» Василий Терентьевич пил на веранде чай с прошлогодним вареньем из мелких яблочек и культурно отдыхал.

Соседям эта музыка порядком надоедала, но связываться с Жадой они почему-то опасались...

В тот вечер, когда состоялось заседание штаба, Василий Терентьевич пришел в соседний двор, чтобы осмотреть будущую коровью резиденцию. Маленький, круглолицый, налитый здоровьем и хорошим настроением, он ласково поглядывал по сторонам и мелко ступал по траве тугими хромовыми полусапожками. Он ни с кем не хотел ссориться. И поэтому его очень огорчил рисунок, сделанный мелом на двери сарая.

Нарисовано было странное существо. Если бы Василий Терентьевич помнил древнегреческие мифы, он тут же решил бы, что зверь этот напоминает кентавра. Но не совсем. Кентавр, как известно, получеловек-полулошадь. А у этого существа туловище было коровье: худое, ребристое, с острым задом, поднятым хвостом и большим выменем. А человечья часть – плечи

и голова – весьма напоминала самого Василия Терентьевича. (Недаром Павлик два часа делал наброски, прежде чем украсил дверь портретом.)

Василий Терентьевич сокрушенно покачал головой в плоской полувоенной фуражечке и шагнул в сарай. Тут же раздался громкий шелест, и в полуоткрытую дверь с крепким стуком воткнулась белооперённая стрела. Она засела между ребрами «кентавра».

Жада высунул голову и увидел стрелу. Потом увидел намотанную на стрелу записку. Записку он развернул и прочитал. Там было одно слово: «Берегись». Жада аккуратно сложил бумажку и убрал в карман гимнастерки. Затем торжественно переломил стрелу. После этого он обвел взглядом все чердачные окна, заборы и кроны тополей. Погрозил пальцем в пространство и опять скрылся в сарае. Дверь за собой прикрыл полностью.

Вторая стрела пробила «кентавру» вымя.

– Дмитрий! – сказал отец за ужином. – Есть сведения, что ваша компания опять пиратничает в округе.

– Нет, папа, – честно сказал Митька. Мы только «шпацирен унд баден», как говорит бар... то есть Адель Францевна. Гуляем и купаемся. Да еще Цыпин велосипед чиним. Вовка три раза камеру проколол, растяпа.

– И не стреляете?

– Ну стреляем немножко. По мишеням. А кому это мешает? Василисе?

Отец дотянулся до лежавшего на подоконнике портфеля и, поглядывая на Митьку, извлек сложенный пополам лист. Развернул и с выражением сказал:

– Заявление...

– Еще не легче, – сказала мама.

Лешка вынул нос из стакана с киселем и наострил уши.

С тем же выражением отец стал читать:

– «В городское НКВД... Действия хулиганствующих подростков угрожают даже самой моей жизни... При растущем народном благосостоянии мне не дается возможности внести свой вклад в дело расцвета благосостояния методом расширения розничной торговли путем продажи населению молочных продуктов рыночным методом...»

– Чего-чего? – сказал Митька.

– Откуда это? – испуганно спросила мама.

– В школу передали... Мало мне забот с экзаменами в десятых классах! Я еще, понимаете ли, должен превращаться в следователя! Андрей Алексеевич говорит: «Проконсультируйтесь у сына, он в стрелковых делах разбирается». Еще бы! Боюсь, что слишком хорошо разбирается!

– Да что случилось-то? – спросил Митька и подумал: «Неужели из-за „кентавра“ такой шум?» И на всякий случай украдкой показал кулак Лешке, который кое-что знал.

– А ты не знаешь, что случилось? Не знаешь, кто из вас расстрелял у Феодосии бутылки с молоком? – недоверчиво спросил отец.

– Честное пионерское... – Митька даже привстал. – Ну что ты, папа! Из лука бутылку и не расшибешь, она скользкая, рикошетит. Да кто же такую глупость сделает? Ведь по стрелам сразу догадаются.

– Про стрелы здесь ничего не сказано, – слегка растерянно произнес отец.

– Ну вот видишь!

...А через полчаса Митька вышел во двор и крикнул:

– Вовка! А ну иди сюда!

Мысли работали безошибочно. Три дня назад чинили Цыпин велосипед: задняя камера из оранжевой резины была вся в дырах. Цыпа сказал: «Утиль» – и пошел за другой. Старую камеру Вовка Шадрин намотал на себя. Он изображал «борьбу с удавом», как в цирке. Потом

вместе с «удавом» исчез. Оранжевая резина – самая лучшая для рогатки. Вовка – один во всей компании, кто за пятнадцать шагов навскидку расшибает из рогатки аптечный пузырек...

На втором этаже открылось окно, и курчавая Вовкина голова свесилась во двор.

– Чего?

– Иди, иди. Узнаешь чего.

Вовка не отпирался. Он и сам не прочь был рассказать о своем подвиге. А молчал до сих пор потому, что интуиция подсказывала ему: «Осторожность прежде всего. Похвастаться успеешь».

А подвиг был вот какой.

Ранним утром Вовка проник в сквер, который одной стороной примыкал к стадиону, а другой – к рынку. Все, кто жил на улице Герцена, ходили на рынок через этот сквер.

В сквере густо разрослась желтая акация. Она уже отцвела, и гроздьями висели молодые стручки. Попробовать бы: годятся ли на свистки? Но нельзя. Надо было скрываться и ждать.

А скрыться лучше всего было под нижними ветками кустов. Плохо только, что нижние – самые колючие. Ползти надо лицом вверх, на спине, тогда колючки все видны, их можно отодвинуть заранее. Но смотреть надо осторожно, вприщур: на лицо, на ресницы валится всякая тля и божьи коровки...

Вовка вполз под основание куста и перевернулся на живот. Стало хуже. Майки на спине уже не было: дыра на дыре. И туда стали садиться разбуженные утренние комары. Но Вовка лежал. Вытянул из кармана рогатку, почесал ею спину. Комары не улетали, однако стало легче.

И тут он увидел Феодосию...

Феодосии было тяжело. Она тащила четыре четверти молока – четыре трехлитровых бутылки. Две в мешке через плечо и две в руках. А под боком, прижав локтем, несла она завернутую в полотенце телячью лопатку (Жада заколол купленного вместе с коровой теленка).

Телятину надо было продать до жары: она уже нехорошо пахла. Это Феодосия чувствовала и заранее полезла за пазуху, ощупывая рубль, который она даст фельдшеру санветнадзора при входе на рынок.

Но чтобы найти рубль, ей пришлось опустить одну четверть на землю.

Вовка, разумеется, не знал, почему Феодосия вдруг затопталась на песчаной дорожке. Он просто обрадовался, увидев стоявшую бутылку. Неподвижная мишень – это удача.

И выстрелил по четверти маленькой граненой гайкой.

Трехлитровая посуда расселась без звона и выпустила содержимое в песок.

Феодосия тихонько ойкнула. Осторожно поставила другую бутылку и для чего-то принялась изучать горлышко разбитой посуды.

Вовка ударил по второй четверти. Звон был, но не сильный. Феодосия села. В молоко. Потом, тихонько подвывая, принялась снимать с плеч мешок с двумя уцелевшими бутылками. Мимо шли люди, снисходительно сочувствовали, а кто-то обозвал Феодосию раззявой.

Вовка выжидал. Феодосия вдруг встала на четвереньки и завопила в полный голос:

– Люди добрые, грабют!..

За собственным воплем она не слышала, как лопнули в мешке последние две четверти. Вовка расстрелял их молниеносно.

Еще через полминуты Вовка проскочил в щель забора, отделяющего сквер от стадиона, и сразу стал подавать советы каким-то футболистам.

Митька выслушал эту историю с интересом, но без одобрения. Потом выслушали остальные. Валька грустным голосом сказала:

– Дурак... Надрать бы уши, тогда бы узнал.

Всего ожидал Вовка: могли восхищаться им как героем, могли устроить нахлобучку за то, что действовал без разрешения. Но такого пренебрежительного осуждения он не ждал.

– А ты... А ты... – поднялся он на Валентину.

Но Митька дернул его за штаны.

– Сиди, не дрыгайся.

Они были в штабе. Внизу уже прочно обосновалась Жади́на корова, но сеновал еще пустовал и мальчишек пока не трогали. Но все знали: недолго им тут жить.

Может быть, эта неуверенность, может быть, усталость (набегались днем), а может быть, какое-то предчувствие делали ребят грустными и серьезными. Потому и не дождался Вовка ни восторгов, ни скандала, ни крепкого нагоняя от ребят. Не та была обстановка. Они сидели в полумраке «шатра» и даже лиц почти не видели, только касались друг друга голыми локтями.

– Вот выгоним из звена, будешь знать, – сказал Виталька. – Ты у нас и так незаконно. Да еще неприятности из-за тебя.

Вовка вздохнул. Он знал, что не выгонят. Да и говорил Виталька не сердито, а так, будто между прочим. Но все же Вовка огрызнулся:

– А сами... Тоже рисовали его по-всякому на заборах и стреляли.

– Дурак ты, Вова, – сказал Митька. – На голове густо, а внутри... Одно дело рисовать... Когда рисовали, мы это показывали, какой он буржуй и кулак. Рисовать и в заборы стрелять никто не запретит. А сейчас вышло, что мы сами бандиты. А он, выходит, прав. Заявления пишет. Думаешь, не обидно?

– А почему в НКВД? – подал голос Цыпа. – Ну, царапал бы свои каракули для милиции. А то получается, будто мы шпионы или вредители. Враги народа.

– А Жала думает, что он как раз и есть народ, – сказала Валентина. – А мы его враги. Так и получается.

– Он – народ?! – подскочил Цыпа. – Помру от смеха! Народ – это кто на заводах работает и в колхозах кто трудится. И с фашистами дерется. В Испании.

Все деликатно помолчали, потому что знали недавнюю историю, как Цыпа собирался в Испанию.

– Ха! Вот бы Жаду послать драться с фашистами! – заговорил Вовка, стараясь загладить вину. – Вот драпал бы! А?

– Скорей всего, к ним бы сбежал, к фашистам, – сказал Цыпа.

– Не... – заспорил Вовка. – Не сбежал бы. Они бы его с нашими заставили воевать, а он ведь трус. Только собак вешать может.

И опять замолчали в сумраке. Сидели, привалившись друг к другу, и тихо дышали, как один человек. Только Павлика не было. Потом послышались шаги, и Виталька угадал:

– Павлик.

Белая рубашка Павлика замаячила в двери.

– Где был? – спросил Виталька.

– С папой приемник доделывали.

– Работает?

– Работает...

– Хорошо слышать?

– Хорошо... – тихо сказал Павлик. – Только... лучше бы уж плохо было слышно. А то включили, и сразу – бах – новость: фашистские диверсанты взорвали республиканский линкор... «Хайме Первый»...

– Во гады! – сказал Цыпа.

– И под Бильбао положение ухудшилось...

– Врешь, – по привычке сказала Валентина, но больше никто ничего не сказал, потому что понимали: Павлик не врет.

Митька подвинулся на скамейке и тихо позвал Павлика:

– Садись.

Внизу, за забором, на Жадиной веранде весело заорал патефон:

Все хорошо, прекрасная маркиза!

Вовка Шадрин пошевелился и медленно сказал:

– Хлопну я из рогатки этот ящик с маркизой. С крыши его хорошо видеть!

– Я тебе хлопну! – пригрозил Митька. – Молочный снайпер... Люди с фашистами воюют, а ему только бутылки да пластинки бить.

– Воюют... – сказал Вовка тихо и обиженно. – Я же не могу там воевать. Если бы пустили да винтовку дали...

Никто не засмеялся. Потому что каждый знал: если бы пустили и дали винтовку... Ну а что, в самом деле, разве не вышли бы из них снайперы?

– Пустят тебя... – заметил Серёга. – Они своих-то пацанов отсылают подальше от беды.

И сразу вспомнился им вокзал, люди, цветы, плакаты, деловитое буханье барабана, и голоса труб, и шестеро темноволосых мальчишек, растерянно вышедших из тамбура на дощатый перрон. Обыкновенные пацаны, худенькие, тонконогие, некоторых можно одной рукой на лопатки уложить. Только загар потемнее, чем у здешних, вот и все. Даже не верилось, что эти ребята строили баррикады, а может быть, и стреляли по врагам. Потом автобус увез испанских мальчишек в дом отдыха Рыбкоопа, а наши ребята пошли бродить по улицам.

Надо было готовиться к экзамену по арифметике, но они ходили по разошедшимся деревянным тротуарам, растревоженные и недовольные тем, как устроен мир. Там, на вокзале, их на секунду задела грозная жизнь Испании, а сейчас в заросших лебедой газонах мирно стрекотали кузнечики и тишина висела над городком. Зной раннего лета жарил мальчишкам плечи.

Они ходили, позабыв, что надо учить правила действий с дробями, спорили о боях под Мадридом, и только смуглый сердитый Цыпа был молчалив и спокоен...

– Не дадут нам винтовки, – сказал в темноте Павлик. – Чего ж говорить...

– А что делать? – спросил Вовка.

Это был серьезный вопрос.

Это был очень серьезный вопрос, потому что в самом деле нельзя же сидеть просто так, когда «юнкеры» бомбят Университетский городок Мадрида, когда войска Франко осадили Бильбао – столицу басков, когда взорвали республиканский линкор... Но что делать?

– Учиться стрелять, – твердо сказал Митька. – Это нам еще пригодится. Не в заборы пулять, а как следует. Чтоб отряд у нас был настоящий, а не то, что сейчас. Чтобы, когда надо, мы сразу... Ну все равно сейчас мы больше ничего не можем.

– Хорошо тебе, ты в кружке, – откликнулся Цыпа. – А мы что? Из луков да из луков.

– Я Скобелева упрошу. Пусть всех запишет. Я за ним по пятам буду ходить, когда из отпуска вернется.

– Мы тоже будем, – сказала Валентина.

– А луки тоже нельзя бросать, – продолжал Митька. – Думаете, я на значок сдал бы, если бы из лука не стрелял? Он глазомер развивает и руки.

– Название какое-то у нас неподходящее, – сказал Серёга. – Непонятно как-то: «Белые перья». Какие перья, откуда, для чего?

– Лучше «красные», – предложил Вовка. – Мы же красный отряд.

– Лучше... Но все равно непонятно.

– Лучше полностью: «Красные перья стрел», – сказал Митька.

– Пускай будут «Алые перья стрел», – заговорила Валька. – Красиво.

– Тебе бы только чтоб красиво было, – заворчал Цыпа.

А Павлик медленно сказал:

– Ну что ты, Цыпа! Разве плохо, если красиво? По слушайте, ребята: а-лы-е перь-я стрел-л...

Серёга напомнил:

– Значит, и в самом деле на стрелы красные перья надо. Где брать?

– У отца, думаешь, мало красных чернил? – сказал Митька.

Яркий огонек свечи вздрагивал и качался от дыхания ребят. Валька Голдина писала красными чернилами на тонкой бумажной полоске:

– «Мы, пионеры второго звена... Митя Вершинин...»

– Дмитрий, сурово сказал Митька. Он макал в пузырек с чернилами бумажный жгутик и мазал хвостовые перья на стрелах.

– «Дмитрий Вершинин, Игорь Цыпин, Виталий Логинов, Валентина Голдина, Владимир Шадрин...»

– Владимир пишется через «и». Учти, – сунулся Вовка.

– Знаю... «Владимир Шадрин, Павел Шагренев, Сергей Иванов... вступаем в отряд «Алые перья стрел». В скобках «АПС». «И обещаем друг другу и всем на свете, что... всегда будем бороться с фашистами и всякими врагами...»

Она оглянулась на Митьку.

– Всегда будем учиться, чтоб бить без промаха.

– »...Без промаха».

– И мстить за всех, кого они убили и замучили, – сказал Цыпин.

– А если они полезут на нас... – вмешался Павлик.

– «А если они...»

Июньские вечера очень светлые. Небо серебристое, и звезды едва проступают на нем. А крыши и заборы – почти черные. И уж совсем черными кажутся на небе листья и ветви тополей.

Громадный сук большого тополя протянулся над серединой двора, как рука великана. Высоко – выше всех проводов и крыши, выше труб кирпичной пекарни, которая стоит позади двора.

С шелестом ушла с земли и вонзилась в сук тяжелая стрела. Утром все увидят ее – высоко над головами. Увидят, что у нее алые перья. Но никто никогда не сможет достать ее. Только ветер.

Потом шквалистые ветры истреплют перья, обломают древко. Но крепкий наконечник навсегда останется в дереве. Наконечник, в который вложена туго свернутая бумажная полоска, где имена стрелков и обещание.

Этот наконечник, сделанный из пустой пули, будет там всегда, пока живет тополь. А такие могучие деревья живут долго. В детстве кажется, что они стоят вечно.

Мысль продырявить баронессу на афише пришла Витальке. Раз уж в городе нет настоящих фашистов, то надо всадить стрелу хотя бы в нарисованного. Пусть все прохожие видят большую стрелу с алыми перьями – символ меткости и беспощадности к врагам.

– А кроме того, – добавил Виталька, – это будет месть Адель Францевне за то, что она плохо отзывалась о Карле Бруннере (вернее, не о Карле, а о том пацане, который играл эту роль, но это ведь все равно).

– И за то, что чуть не оставила тебя на осень, – вьедливо заметила Валентина.

– Чушь какая? – обиделся Виталька. – Я могу и не стрелять. У тебя. Голдина, между прочим, не язык, а швабра. Если так, то пусть Митька стреляет в баронессу.

– Конечно. Сам-то промазать боишься, – поддела Валька, которая обиделась за свой язык.

– Если издали, хоть кто может промахнуться, – спокойно сказал Виталька. Он не хотел ссориться. – Надо ведь шагов с тридцати, не меньше. Верно, Мить?

Читателям, не стрелявшим из лука, наверно, непонятен этот разговор. А дело в том, что афиша висит довольно высоко, и если выпустить стрелу с двух-трех шагов, она воткнется некрасиво – хвост с перьями будет наклонен вниз. Сразу все увидят, что стреляли в упор. Чтобы стрела воткнулась как надо – перьями слегка вверх, она должна описать в воздухе дугу. Значит, пускать ее надо с приличного расстояния.

– С тридцати я не промажу, – сказал Митька. Он и не думал хвастаться, просто был уверен.

– А вдруг? – сказал Виталька и хитровато глянул из-под белого чуба.

Митька пожал плечами:

– Да не промажу я.

– А если?

– Ну спорим?!

Вот так и оказался Митька в тот день у афишной тумбы. Вот так и познакомился с Матвеем Жарниковым, сотрудником второго отделения милиции, неплохим парнем и понимающим человеком.

Конечно, всю историю Митька рассказывать не стал, но кое-что объяснил: что такое «АПС» и зачем нужно было устраивать стрельбу на перекрестке.

Он и Матвей шагали сначала по улице, а потом сели на скамейку в сквере, где случилась беда с Феодосией. Матвей только через два часа должен был идти на пост, а пока гулял. Митьке же вообще некуда было спешить.

Митька потрогал ногу.

– Как ты меня ухватил... Аж пальцы отпечатались. Все еще больно.

– А не надо было прыгать. От меня, брат Митька, не сбежишь.

– Я бы сбежал, да лук зацепился.

– А я бы догнал. Думаешь, я не умею через заборы скакать?

– Матвей... – осторожно сказал Митька и покосился на тугую кобуру. Из-под крышки вызывающе торчал металлический затылок револьверной рукоятки. – Матвей... А если б не догнал? Ты бы стал стрелять?

– Ты спятил! Зачем стрелять-то? Ты что – бандит? Я тебя и в отделение вести не хотел, а просто так, для порядка. Попугать.

– Матвей... Ну попугать, это понятно. Я ведь не говорю, чтоб в меня стрелять, а если в воздух? Чтоб попугать, это как раз годится.

– Да что ты! Потом объяснение начальнику писать. Зачем стрелял да в кого. Ведь у нас каждый патрон на учете.

– Это я знаю. У нас тоже на учете. А иногда охота пострелять, ага?

– Конечно. У нас вообще-то бывают занятия, но не часто.

Митька мечтательно продолжал:

– А вот если бы патронов сколько хочешь? Хорошо было бы, ага? Стреляй хоть каждый день... В овраге один уголок есть хороший: заросли и обрыв. От домов далеко. Прямо настоящий тир... Хотя, конечно, случайные прохожие, если выстрелы услышат, могут придраться.

– Как они придерутся? Я же в форме. Раз милиция стреляет, значит, надо. А если бы кто из наших подвернулся, я бы сказал, что оружие пробовал.

Увы, даже милиционеры не прочь иногда прихвастнуть. А хитроумный Митька, словно в шахматах, сделал еще один ход. Он с рассеянным видом сказал:

– Да... понятно... Значит, все дело в патронах?

– Конечно.

– Матвей... Видишь ли... Если по правде говорить, два патрона у меня есть.

Даже спустя много лет Дмитрий Вершинин вспоминал об этом случае как о чуде. Матвей согласился! Почему? Может быть, увидел умоляющие Митькины глаза и не устоял. А может быть, он сам оставался в душе мальчишкой... В общем, он встал и сказал:

– Ну ладно... Встретил я тебя, брат Митька, на свою голову.

Конечно, случилось это не сразу. Сначала Матвей довольно сурово спросил, откуда патроны, и Митьке пришлось рассказать про Цыпу. Про то, как Цыпа надумал уехать в Испанию, приготовил сухой паек, карту, оружие – кинжал из обломка пилы и самодельный пистолет (еще недоделанный). Цыпин отец обнаружил запасы и устроил сыну «разговор». После такого разговора Цыпа, который всегда очень неохотно давал кататься на своем велосипеде, отдал его ребятам на целую неделю. А сам лежал дома на животе и читал роман «Королева Марго». Этот роман ему уступил на несколько дней Виталька Логинов. За два боевых револьверных патрона. Поскольку путешествие сорвалось, боезапас Цыпе был не нужен, и держать его дома он опасался.

Откуда у Цыпы взялись патроны, Митька не знал.

Он увидел их уже у Витальки. Именно на них Митька и поспорил, что попадет в баронессу, а в случае промаха обещал отдать Витальке свой лук.

– Раз попал, значит, они мои, – объяснил он Матвею. – Виталька сразу отдаст, у нас по-честному. Я сейчас сбегаяю, это рядышком. Ладно, Матвей? Ну, Матвей.

Потом они шагали к оврагу, и Митьке все еще не верилось. Матвей вздыхал и ворчал, что патроны старые – наверно, еще с гражданской войны остались – и добром все это не кончится. Митька осторожно уверял, что все будет прекрасно.

В конце Садовой улицы на краю оврага паслась костлявая коза. Она взглянула на Митьку и Матвея как Адель Францевна.

– Я тебе... – шепотом сказал Митька и погрозил козе кулаком с зажатыми патронами.

Закоулок, похожий на тир, Матвею не понравился.

– Ближко от улицы. Какая-нибудь бабка придет за козой и напугается до смерти. Отвечай потом...

Наверно, Матвей все-таки побаивался начальства. Они пробирались все дальше, под укрытие зарослей и глинистых обрывов, пока Митька не взвыл, напоровшись на крапивную чашу. Матвей взял его в охапку и понес. Стебли шелестели вокруг брезентовых сапог.

Они выбрали тупичок у глухого откоса за ручьем.

Матвей приспособил среди глиняных комьев ржавую консервную банку. У Митьки от волнения почти останавливалось сердце, когда он смотрел, как Матвей открывает кобуру и достает наган. Матвей вынул из барабана два желтых блестящих патрона и вставил Митькины – потемневшие, с пятнышками зелени.

Потом они отошли на десять шагов. И Матвей сказал:

– Держи.

Митька взял в ладонь шероховатую рукоятку. Это было оружие! Не малокалиберка и, уж конечно, не лук. Тяжелый боевой наган, с каким воевали Чапаев, Щорс и Котовский. Он прочно лежал в руке, только мушка слегка прыгала.

– Оттяни курок, – сказал Матвей, и Митька с удовольствием оттянул.

И опять стал целиться. Банка казалась крошечной, а мушка никак не могла остановиться. Не то что у винтовки. Винтовочные мушки слушались Митьку беспрекословно, а эта...

Выстрел грянул неожиданно для Митьки: спуск был очень легкий. Наган прыгнул в руку. Уши словно пробками забило. Глиняный комок под банкой разлетелся в пыль, но сама банка не шелохнулась.

Митька растерянно взглянул на Матвея. Значит, все? Выстрел, промах – и больше ничего не будет? Но как же так? Почему промах? Ведь Митька привык всегда-всегда попадать в мишень! Сквозь плотный звон в ушах Митька услышал голос Матвея:

– Старый патрон. Наверно, поэтому пуля вниз ушла.

Митька закусил губу. Надо было достойно перенести поражение. Он протянул наган Матвею:

– Твоя очередь. Стреляй.

И стал смотреть на банку. Сейчас она вовсе не казалась маленькой. Целая кастрюля. Как он мог промахнуться? С десяти шагов...

Матвей легонько хлопнул его по матросскому воротнику:

– Ладно уж, Митька. Пали еще раз. У меня все равно через неделю стрѐльбы.

Второй раз Митька попал. Банка подскочила, завертелась волчком. И Митька тоже чуть не завертелся и не завопил «ура!». Но он сдержался и молча протянул револьвер Матвею...

В свой двор Митька вернулся только вечером. Потому что сначала они пошли к Матвею домой и чистили револьвер. После этого Митька проводил Матвея на пост – в сад «Спартак». В саду было малоллюдно и спокойно. Они долго бродили по аллеям и говорили о важных вещах: об оружии, о боях на Северном фронте в Испании, об учителях, которых знали, о Марке Твене и фильме «Дети капитана Гранта».

А потом пришел Митька опять в овраг. Шипя и охая от крапивных ожогов, он пробрался сквозь заросли на прежнее место. Поднял банку. В ней, с краю, чернела пробоина.

Митька поставил банку среди глиняных комков. Отошел на десять шагов.

Поднял согнутую в локте руку, будто с наганом. Прищурил левый глаз и отчетливо сказал:

– Т-тах!

Он переживал все заново: надежную тяжесть боевого оружия, грохот и толчок выстрела и пронзительную радость меткого попадания.

– Т-тах!... Т-тах!..

Выбравшись на улицу, Митька зашагал домой, и радость не оставляла его. Он шел вприпрыжку, подбрасывал на ладони две пустые, звонкие, порохом пахнувшие гильзы и думал, как еще от калитки крикнет:

«Ребята! Знаете что?..»

Он и крикнул.

Но веселье Митькино разбилось о хмурые взгляды ребят.

Вся компания сидела на крыльце двухэтажного дома и сердито молчала. Только Вовка Шадрин коротко объяснил:

– Жада сено привез.

И тогда Митька увидел «шатер». Он стоял под наружной чердачной лестницей – большой кособокий ящик из ободранной фанеры. Голый какой-то, маленький и совсем непохожий на штаб грозного стрелкового отряда. Дверца косо висела на одной петле.

Митька легонько хлопнул по стенке «шатра», и ящик тихо загудел. Словно жаловался.

– Жада выкинул? – спросил Митька.

– Не мы, конечно, – сказал Павлик.

– Хотел сперва к себе утащить, – объяснил Вовка Шадрин. – Чтоб курятник сделать. Мы как вцепились...

– Молчи уж. «Вцепились»! – хмыкнула Валентина. – Хорошо, что Серѐгин отец мимо шел. Он Жаде сказал... Тот чуть не упал.

– Мы бы все равно не отдали, – угрюмо сказал Цыпа.

– Ну и зря. Зря, что не отдали, – пожалел Митька.

– Рехнулся? – спросил Сергей.

– Ни капельки. Просто ему еще хуже было бы. Сам бы обратно тащил, на своем горбу. Под конвоем. Потому что я бы милиционера попросил помочь, у меня знакомый есть. Сегодня познакомились на улице. Знаете какой человек! Два раза дал из нагана стрельнуть.

Все молчали, потому что стало неловко: такое вранье даже в детском саду считалось неумелым.

Митька небрежно сказал:

– Не верите? Глядите. Узнаёте?

Он протянул Витальке и Цыпе две гильзы. Виталька и Цыпа одинаково приоткрыли рты. Гильзы были те самые: одна с косой царапиной, другая с круглым зеленым пятнышком. От гильз пахло порохом, а в капсюлях виднелись ямки.

– Чё такое? Чё такое? – забеспокоился Вовка Шадрин и сунул курчавую голову между Виталькой и Цыпой.

Митька усмехнулся, захлопнул ладонь и полез по чердачной лестнице, чтобы устроиться там на высоте, на удобной широкой ступеньке.

Отряд молча двинулся за ним.

– А ну, рассказывай, – велел Виталька.

И Митька стал рассказывать. Про тумбу, про овраг, про выстрелы. Про то, что Матвей обещал зайти в гости, и, может быть, он даже покажет ребятам наган...

Пока он говорил, пришли сумерки. Василиса Тимофеевна, косясь на мальчишек, загнала в сарай кур и драного Петю. Мать крикнула из окна Павлика Шагренева, и он крикнул в ответ:

– Не пойду!

И никто не пошел бы. Им хорошо было вместе. Им просто позарез надо было сейчас быть вместе.

От земли теплыми слоями поднимался нагретый за день воздух. Длинное пунцовое облако, похожее на громадное перо, горело над забором. Вдалеке дробно, как пулеметы, стучали на рельсовых стыках составы.

– Алёха, мой брат двоюродный, сегодня на планере летал, – сказал Серёга. – Вот бы полетать, ага?

Все промолчали, потому что и так было ясно, что «вот бы полетать».

В сарае тихо замычала Жади́на корова.

– Маётся, бедная, – сказала Валька. – Зарезал Жада ее теленочка.

– Он за деньги хоть кого зарежет, – сказал Вовка и плюнул. – Сквалыга! Даже ящик хотел забрать, не мог удержаться от жадности.

– Откуда такие люди берутся? – удивленно спросил Павлик. – Правда, ребята, даже непонятно.

– Потому что буржуйская натура, – отрезал Цыпа.

И словно в ответ на Жадиной веранде обрадованно взревел патефон:

Я – кукарача!

Я – кукарача!

Вовка обеспокоенно завозился. Он сидел выше всех, а сейчас еще поднялся на ноги. И смотрел через забор во двор Василия Терентьевича.

– Не дали тогда мне расстрелять эту бандуру, – с упреком произнес он.

– Сядь, – велел Митька. – Ты мне ногой по затылку стукнул.

Павлик Шагренев задумчиво сказал:

– Если бы достать такой репродуктор, как на стадионе... Мы бы с папой все остальное сделали, чтобы пластинки играть. Жала завел бы свою «кукарачу», а мы бы свою хорошую песню. Жадин патефон и не услышал бы никто.

– Он охрип бы и лопнул от натуги вместе с хозяином, – заметил Митька.

– Зачем репродуктор? – сказала Валька. – Вон у Вовки голос громче всякого радио. Ты, Вовка, запел бы что-нибудь. Это лучше всякой пули. Никакой патефон тебя не переорет.

– А что! Я могу! – неожиданно сказал Вовка и крикнул: – «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер!»

Голос был в самом деле отчаянно громкий. Ясный и отчетливый. Даже в ушах зазвенело. Но кроме голоса, был у Вовки еще хороший слух. И может быть, сам того не желая, Вовка с протестующего крика перешел на мелодию:

...Веселый ветер,
Веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете...

Сейчас эта песня старая и привычная. А тогда была она совсем новой. Она прилетела к ребятам с экранов, из нового фильма, где их ровесник Роберт Грант неустрашимо рвался на помощь отцу-капитану. Были в песне синие ветры, зов морей и яростная уверенность, что «кто ищет, тот всегда найдет».

Не прерывая песни. Вовка вскочил и начал подниматься по лестнице. Так же, как поднимался по вантам к верхушке мачты Роберт Грант. И ребята ринулись за ним.

Они любили хорошие песни, только раньше как-то стеснялись петь вместе. Но сейчас в песне была их борьба, их протест и гордость. И они подхватили слова о веселом ветре, разнесли их с высоты на весь квартал – звонкие слова о смелости и мальчишечьей правоте.

Жестяная глотка патефона заскрипела и умолкла. Жадин голос на веранде нерешительно сказал:

– Хулиганство...

Это случилось в промежутке между куплетами, и ребята слышали. Они засмеялись. Безбоязненно и торжествующе, потому что слишком явным было Жадина бессилие. А потом они закончили песню, и Вовка тут же завел новую:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц!

И они подхватили опять, удивляясь, как здорово, как слаженно звучит их неожиданный хор.

Митькин отец вышел на крыльцо и слушал, подняв голову. Рядом с ним возник Лешка.

– Идите к нам, Петр Михайлович, песни петь! – крикнула Валька.

– Голос теперь не тот, Валя, – сказал он. – А то бы я спел, честное слово. Вот Алеша пусть идет.

Лешка, деловито сопя, стал карабкаться к ребятам.

Патефон порывался выплюнуть лихой фокстрот, но умолк, не доиграв. А ребята пели:

Кра-сно-флотцы!
Недаром песня льется!
Недаром в ней поется,
Как мы на море сильны!

А потом пришло время для песни, которая была главной. Главной – в ту пору.

Ее пели по-русски и по-итальянски. По-испански и по-немецки, у нее было много переводов, а кто не знал слов, находил их тут же.

И быть может перевирая незнакомые слова, но зато со звонкой силой выводил Вовка в высоту:

Аванти, пополо, а ля рискосса!
Бандьера росса,
Бандьера росса!

И с той же силой повторяли Валька и мальчишки:

Вперед, товарищи! Гори над нами
Победы знамя,
Свободы знамя!

Потом Митька вспомнил немецкий припев:

Ди ротэ фанэ,
Ди ротэ фанэ...

И совсем притихла улица, слушая боевую песню Испании:

Ты, знамя алое,
Красней зари,
Ты, знамя красное,
Гори, гори...

Они стояли и пели у самой крыши, среди тополиной листвы, под бледными июньскими звездами, веселые, абсолютно бесстрашные, готовые лететь навстречу всем пулям и штыкам, навстречу всем врагам. Вместе с песней, яростной, как горячий ветер.

Они не знали, что будут впереди годы не очень спокойные, тревожные, но не опаленные еще самой большой грозой.

Еще восторженно маршировал по гамбургским мостовым Пауль фон Шифенберг, будущий командир дивизии СС, не ведая, что зимой сорок четвертого года пуля снайпера Вершинина просверлит ему переносицу. Еще не была сделана противотанковая граната, которую в белорусском лесу швырнет себе под ноги окруженный немцами партизанский разведчик Шадрин. Еще не построен был бомбардировщик, на котором погибнет стрелок-радист Шагренов. Никто не знал, что будет такой орден – Отечественной войны, с которым вернется домой танкист Цыпин, а морской пехотинец Логинов не вернется, орденом его наградят посмертно. И наверно, росла еще где-нибудь в Сибири та береза, из которой сделают приклад для снайперской винтовки Сергея Иванова. Их, эти приклады, будут делать на комбинате, куда пойдет работать Валька...

А сейчас они пели.

И в тысячах других дворов тоже пели, гоняли мяч, клеили воздушных змеев и стреляли из луков тысячи мальчишек, которых, видимо, не принимал в расчет и о которых разбил свою стальную мощь фюрер третьей империи рейхсканцлер Адольф Гитлер.

Они пели. Вечер был теплый, и песня славная, и друзья надежные.

Давайте простимся с ними сейчас, в этот хороший вечер. Впереди у них еще целых четыре лета – солнечных и почти мирных.

1971 г.

Книга вторая

Каникулы Вершинина-младшего

1

В закопченные стекла огромных вокзальных окон пробился утренний свет. Пассажиры на скамейках и на полу лениво заворочались. В ухо Лешке гулко кашлянул лежавший рядом бородатый дядька. Лешка повернул голову в другую сторону, но прямо в нос ему чихнула замурзанная девчонка. И даже не открыла глаз.

Лешка обтерся рукавом, сел, раскрыл рот, чтобы зевнуть. Но от желудка к горлу потянулась противная ноющая боль. Наверное, от голода. Последний раз Лешка ел ровно сутки назад, на московском вокзале. Да и как ел... Пайку хлеба, которую получил по рейсовой карточке, он сжевал в очереди у кассы: отщипывал и вытаскивал мякиш прямо из кармана. И уж потом, когда закомпостировал билет, запил Лешка свой завтрак теплой желтой водой из туалетного крана.

Сейчас хлеба не было. И вообще не было еды, если не считать полкилограмма твердокаменной фасоли, полученной по талону «мука – крупа». На черта ему эта фасоль? Ее в дороге нигде не сварить. А обменивать один продукт на другой Лешка еще не научился.

Лешка стал выбираться из мешанины тел. Он вышел в скверик и оглянулся на здание вокзала. Над входом чернели крупные буквы «БОЛОГОЕ». Ниже висели большие часы. Было десять минут шестого. А поезд на Гродно – в пять вечера. А хлебный ларек, где можно будет отоварить последний талон рейсовой карточки, откроется только в девять. Зато Лешка очень ясно представил себе минуту, когда он возьмет с весов солидный брусок серого хлеба с коричневой корочкой, пойдет в скверик, сядет на симпатичную зеленую травку, откроет свой чемоданчик, достанет соль...

То, что он слопаёт суточный паек за пять минут, Лешка знал заранее. Как он проживет следующие сутки, пока поезд будет тащиться до Гродно, об этом он не задумывался. Все сомнения заслоняло восхитительное видение – полкило хлеба на весах в продуктовой ларьке.

От этого ларька брели в сторону Лешки два ремесленника.

Он слышал обрывок унылого разговора.

– Да еще пока подвезут хлеб, да примут, да начнут давать...

– Во-о! Пуп к спине присохнет. Дымнуть, что ли? Говорят, отвлекает.

– Давай. Папиросы?

– Откуда! Махры натряс из чинариков.

Парни сели на скамейку и закурили. А Лешке стало совсем тошно. Он бы тоже закурил, потому что немножко умел, но у него и махорки не было.

Вдруг он вспомнил. Папироса! Самая настоящая «беломорина», и совсем целая. Она лежала в зале ожидания, где он спал. Каким-то чудом она попала между секциями отопления и, наверное, уже давно лежит там никем не замеченная, потому что стала серой от пыли. Лешка увидел ее вчера, когда устраивался на ночь, но тогда она была ему ни к чему.

В зале на полу уже никто не лежал, но и на скамейках свободных мест не было. Лешка сел на пол, привалившись спиной к батарее, и аккуратно выудил папиросу. Потом он хотел встать, но колени вдруг задрожали, и он снова хлопнулся задом об пол. «Это от голода, – вяло подумал Лешка. – Сейчас закурю, и сразу станет легче. Отвлекает...»

Спички нашлись в кармане куртки. После первой же затяжки потолок из квадратного стал овальным и, медленно вращаясь, стал опускаться. «Посплю», – решил Лешка.

Но поспать не дали. Кто-то вынул у него из руки папиросу, и Лешка услышал очень серьезный голос:

– Документы, гражданин!

Он открыл глаза и конечно же увидел железнодорожного милиционера в тускло-малиновой фуражке, с казацкой пашкой на боку. Лешка не удивился и нисколько не испугался, потому что за длинную дорогу у него уже проверяли документы не меньше пяти раз.

Он привычно сунул руку за борт своей вельветовой куртки, отстегнул на ощупь булавку и достал документы. Здесь был железнодорожный билет, украшенный двумя компостерами на пересадках, пропуск отделения НКВД на право въезда в пограничный город Гродно и официальный вызов от брата, на основании которого и был выдан пропуск с красной полосой. Еще здесь лежала рейсовая продуктовая карточка, свидетельство о рождении и справка, сообщающая о том, что «Вершинин Алексей, 1932 г. рожд., действительно окончил в 1944/1945 уч. году 6-й класс средней школы № 1 с оценкой знаний и поведения согласно прилагаемому табелю». И наконец, была в этой пачке документов десятирублевая бумажка. Самая последняя десятка из тех тридцати, что прислал брат на дорогу.

Эту десятку и хлебную карточку милиционер протянул обратно Лешке, а документы принялся тщательно изучать. «Старайся-старайся, – лениво подумал Лешка. – Не такие проверяли. В Свердловске, Казани, Москве ни к чему не придирались, а тут какое-то задрипанное Бологое».

Но вместо того чтобы вернуть документы, милиционер аккуратно положил их в карман кителя и сказал:

– Ваши бумаги получите, гражданин, после того, как уплатите штраф. В кассу номер три. Десять рублей. Квитанцию принесете мне в дежурную комнату. Все.

Милиционер ловко вышвырнул в разбитое окно Лешкин окурок и удалился по узкому проходу между скамейками с резными вензелями на спинках – «НКПС».

Ошеломленный Лешка остался сидеть на полу.

– Вот так, мил-человек. Не дыми, значит, в помещении, не нарушай атмосферу, – назидательно произнес рядом стариковский голос, и Лешка узнал дядьку, оглушившего его на расвете своим кашлем. – Это он уже шестого или седьмого оштрафовал нынче за курево. Не иначе ему план доведен. А скажи на милость, какой тут смысл за чистоту воздуха воевать, когда в вокзале тышша человек ночует и каждый выдыхает, что имеет. Папироса твоя – это ж чистый деколон, ежели сравнить ее со всем прочим.

Лешка молчал. Сейчас он понимал только одно: вместе с документами от него уплывало по проходу дальнейшее путешествие в Гродно и неизвестно на когда отодвигалась встреча с братом.

Конечно, можно уплатить штраф и тем самым выручить документы. Но десятка-то последняя. На какие шиши он тогда хлеб по карточке выкупит? Пускай там и нужны копейки, но даром-то все равно не дадут. И потом – за десятку можно купить у теток на привокзальном базарчике две картофельные лепешки. Мягкие и рыхлые от подгоревшей корочки.

Где выход? Догнать милиционера и пустить слезу? Объяснить ему, как и что?

Но даже пустой Лешкин желудок возмутился оттого, что придется стоять и хныкать, кланяться и унижаться. И еще неизвестно, выпросит ли он назад документы. Не все же милиционеры, наверно, такие понятливые, какой однажды встретился его брату Дмитрию. Брат рассказывал, что году в тридцать седьмом, когда ему было примерно столько, сколько сейчас Лешке, взял его однажды за шиворот милиционер. Обоснованно взял: нельзя расстреливать из лука городские афиши, если даже на них и нарисованы представители класса буржуазии. А Митька расстреливал. И попался. И шел уже под милицейским конвоем в отделение, но... они как-то разговорились, подружились, и дело кончилось совсем уже фантастично: милиционер дал Митьке два раза выстрелить в загородном овраге из своего нагана.

Этот легендарный эпизод был одной из самых ярких страниц в семейной хронике братьев Вершининых. Среди мальчишек их двора он передавался из поколения в поколение. Естественно, что Лешка приучился смотреть на милицию без опаски. Конечно, как всякий мальчишка, он понимал, что незачем под носом у постового милиционера махать рогаткой, а лучше пронести ее за пазухой. И необязательно выяснять отношения с недругами из соседнего двора посреди тротуара, поскольку для этого существует пустырь за стадионом. Но недоверия и вражды к людям в милицейских фуражках Лешка до сих пор не испытывал. Может быть, и этот... разговорится и подружится с ним, а потом безвозмездно вернет ему документы?

Не выйдет. Брат Митя подружился с милиционером благодаря счастливому случаю. Выяснилось, что молоденький блюститель порядка учился с шестого по седьмой класс как раз у Петра Михайловича Вершинина и очень уважал своего преподавателя русского языка.

А тут какие могут быть общие знакомые, за две тысячи километров от дома?

Разве что... рассказать милиционеру о брате Дмитрие, к которому он едет. Что это знаменитый снайпер Второго Белорусского фронта, что у него три ордена и восемь медалей, а сейчас он – комсомольский работник. У милиционера на кителе тоже позванивали медали. Фронтовик проникается симпатией к другому фронтовику и...

От отвращения к самому себе за такую шкурную расчетливость Лешка плюнул на пол. «Орденами брата вздумал спекулировать. Хвастун драный! Узнал бы Митя!»

Штраф Лешка в кассу уплатил и, зажав в кулаке квитанцию, пошел искать милиционера.

Тот стоял у выхода и наблюдал за ремесленниками, которые полчаса назад подкинули Лешке бредовую идею, будто курево утоляет голод. Парнишки занимались делом явно сомнительным с точки зрения законности и порядка. Они развели посреди скверика небольшой костер и жарили на прутиках ломтики картошки. В невидном на солнце пламени тихо и уютно потрескивали обломки крашеного штакетника.

«Сейчас он им выдаст!» – подумал Лешка. Подумал безо всякого злорадства, а скорее с сожалением, что у мальчишек пропадет такая замечательная еда.

Однако милиционер стоял и спокойно смотрел на костер. Это был пожилой и, наверное, не очень здоровый человек с серым отечным лицом, изъеденным оспинками. Ремесленники совсем расхрабрились и насадили на ивовый прут еще одну партию желтых картофельных кружочков. И только тогда милиционер шагнул с вокзального крыльца к ним.

– Проголодались, фабзайцы? А хлеб у вас к картошке есть? – услышал Лешка грубоватый голос милиционера.

Ремесленники отрицательно закрутили головами.

– Никак нет, товарищ сержант. Был бы хлеб – бульбой не занимались бы.

– Понятно... Угостил бы вас, пацаны, да сам еще не отоварился. Вы вот что: жарьте-ка побыстрее, а потом огонек все-таки притушите. Не положено.

Видимо, Лешка слишком громко у него за спиной проглотил слюну. Сержант обернулся.

– Вот! – сказал Лешка, протягивая квитанцию.

– Так. Уплатил, значит. Ну и порядок. Документы я в стол спрятал. Пройдем в дежурку.

В унылой дежурной комнате сержант с трудом втиснулся за маленький канцелярский стол. Достал Лешкины бумаги и поднял глаза на их владельца.

У стола, нахохлившись, стоял шуплый двенадцатилетний мальчишка стандартного городского типа. Аккуратная короткая стрижка под полубокс. Очень приличная вельветовая курточка с поясом. Темно-синие суконные брюки. По бокам они изрядно помялись, но спереди заутюженная складка отчетливо видна. На ногах почти новые желтые полуботинки. Правда, несколько не вяжется с добротной одеждой чумакая физиономия, но дорога есть дорога.

– Что же ты так, а? – вздохнул за столом сержант. – Из хорошей, видать, семьи, а куришь в такие годы. Да еще в неположенном месте. А?

Лешка ничего не ответил, но подумал, что это несправедливо: в дополнение к штрафу читать нотацию.

– Не хочешь разговаривать? Как знаешь. Только непонятно мне все-таки твоё поведение. Ну, те фабзайцы махру тянут, так они и постарше и самостоятельные. Может, даже слишком. Мне вот интересно, где они сырую картошку организовали. Ну да голод не тетка, он научит...

Милиционер задумался, словно и забыл о Лешке. А ему стало нестерпимо досадно. Что же такое получается? Тем парням ни за костер, ни за картошку не попало, а он, Лешка, из-задохлой папироски последнего хлеба лишился. Есть справедливость на свете? В самый бы раз зареветь сейчас от жалости к себе. И от обиды. Но тут Лешка представил, как Дмитрий начнет расспрашивать его о дороге, надо будет признаваться, что пускал слезу перед рябым милиционером на последней пересадке перед Гродно. Он словно наяву увидел, как у Мити в улыбке изгибаются книзу губы и сочувственно морщится нос. Такой жалости старшего брата Лешка боялся пуще всего.

– Пусть ваши любимчики фабзайцы подавятся своей краденой картошкой, – сипло сказал он сержанту. – Они с голоду не помрут. А у меня можете и карточку забрать. Все равно ей пропадать без денег. Только... только всё это неправильно!

Лешка рванул из кармана коричневый обрезок рейсовой карточки и швырнул на стол. Схватив документы, он выскочил за дверь. На полу дежурки остался лежать желтый обшарпанный чемоданчик...

Что было потом в дежурке, Лешка не видел. А было вот что.

– Сейчас вернется, – пробормотал сержант. – Ох и дам я сопляку за грубость. С чего он так на меня остервенился?

Но вместо досады на мальчишку ощутил непонятное беспокойство. Он поднял с пола легонький чемоданчик и откинул язычки замков. Внутри лежали две пары маек и трусов, тапки в газете, белая рубашка, а на ней отглаженный пионерский галстук. Пара книжек: «Человек-амфибия» и «Древние города нашей Родины». В углу скомканная промасленная бумага и в ней крошки. Наверное, от домашнего пирога. Все!

Он еще раз перетряхнул чемодан – кроме крошек, ничего съестного не было. Сержант осторожно опустился на стул, чувствуя, как заныло, потом гулко застучало в левом боку. Взгляд упал на хлебную карточку. На ней сиротливо торчал один-единственный невыстриженный талон...

Через некоторое время Лешка сидел на квартире сержанта железнодорожной милиции и хлебал борщ. Хозяин орудовал ложкой за столом напротив.

– Понимаешь, парень, меня жакетка твоя подвела. Вижу, сидит в уголке нарядный хлопчик и балуется папироской. Сам я, между прочим, за всю жизнь не курящий. Ну, думаю, спрятался маменькин сынок от своих культурных родителей и покуривает тайком. Думаю дальше: штрафану, а потом с папой-мамой объяснюсь. Не пришло мне в голову, что ты в одиночестве путешествуешь. Между прочим, как это понимать? Может, расскажешь?

Лешке не очень хотелось рассказывать. Он еще не до конца остыл после происшедшего. Но вопрос «может, расскажешь?» прозвучал в критический момент, когда перед Лешкой была поставлена вторая миска дивного варева.

Вежливость – долг королей и гостей. Лешка начал рассказывать.

Письмо Дмитрия мать прочитала Лешке вслух.

«Милая мама и возлюбленный мой братец Алексей! Похоже, что в Гродно я осел фундаментально. Как уже сообщал, после основательной штопки в госпитале меня уверили, что сумеют взять рейхстаг без помощи старшего лейтенанта Дмитрия Вершинина, и быстренько демобилизовали. А поскольку я кандидат партии, то столь же оперативно предложили и штатскую

работу – в обкоме комсомола. Кадры в этом западном городке нарасхват. День Победы я встретил не верхом на Бранденбургских воротах, как мечтал всю войну, а в командировке, в окружении симпатичных сельских хлопчиков и девчат, которым растолковывал Устав ВЛКСМ. Публика понятливая, и в свою работу я влюбился. А больше ни в кого – смею тебя в этом, мамочка, уверить. Поэтому частенько испытываю потребность ощутить около себя кого-нибудь из близких.

Вот и пришла мне в голову идея вызвать к себе Алешку на его каникулярный срок. Ты, мам, подожди ойкать: все это вполне реально. Во-первых, братья три года не виделись и самая пора им встретиться. Во-вторых, подвергается удачная оказия, и разлюбезный братик мой двинет сюда с полным комфортом и в абсолютной безопасности, потому что поедет с майором Харламовым, весьма близко знакомым мне по трехлетнему совместному проживанию в землянках, окопах и прочих комфортабельных местах. Он двигается в наши края за женой и карапузом и на обратном пути заберет Лешку. Уговор такой: в день выезда он сообщает тебе телеграммой номер вагона, и ты попросту воткнешь туда Лешку. И все. Остальное – на майорской совести, а она железно проверена. Так что в первых числах июня пусть братик (если, конечно, экзамены сдаст) будет подготовлен к старту «нах вест». А в августе я его собственноручно верну в твои объятия, потому что подойдет мой первый гражданский отпуск, и мы наконец-то увидимся. В общем, собирай братишку в дорогу – пусть поглядит на белый свет. Да и ты от него отдохнешь. А с голоду мы с ним не пропадем: зарплата у меня приличная и к тому же литерный паек. Квартирка хоть пока и частная, но ничего. Мой адрес – улица Подольная...»

Адреса Лешка уже не слышал. Он сделал стойку на руках, потом рандат, прошелся колесом и сбил пятками чайник со стола. Мать хлопнула его ниже спины и сказала:

– Сядь. То есть встань. То есть сядь... леший тебя разберет с твоей акробатикой. Ты что, уже успел всерьез вообразить, что в самом деле куда-то поедешь?

– Мам, а почему нет? – ошалело спросил Лешка.

– Потому что твой старший братец сумасшедший фантазер. За три тысячи верст...

– Две с половиной, – быстро уточнил Лешка.

– ...отправлять ребенка – это могло прийти в голову только... – И мама заплакала.

Потом Лешка дочитал письмо Дмитрия:

«Р. S. Мам, я очень виноват перед тобой за папу, что не сумел пока побывать на его могиле. Но кто знал, что меня вышибут из седла на польской границе. Придет время, и я поеду в Венгрию. У меня две карточки стоят на столе – папина и твоя. Пойми это и поверь мне...»

Отца Лешка помнил и любил. Он только что кончил второй класс, когда тот в последний раз подошел к Лешкиной кушетке, откинул одеяло, дернул сына за голую ногу, и вдруг на эту ногу капнуло что-то теплое. Лешка вытаращился на отца, который был похож и не похож на себя в тугих командирских ремнях на колючей суконной гимнастерке, а потом глупо сказал:

– На войну, пап?

И уснул. Потому что до смерти намаялся в прошлый вечер с клейкой футбольной камеры.

Больше Лешка отца не видел. В январе пришло в семью Вершининых два скорбных известия: гвардии майор Вершинин Петр Михайлович пал смертью героя при освобождении Венгрии в районе озера Балатон, а старший лейтенант Вершинин Дмитрий Петрович ранен на Сандомирском плацдарме при освобождении Польши и эвакуирован в госпиталь в город Гродно.

Мать слегла. У нее хватило сил только на то, чтобы упрашивать своего младшенького: «Мите об отце не пиши ни слова. Может, хоть он выживет». И только когда Митя прислал карточку, где был изображен невредимым при выходе из госпиталя, мать переслала ему похоронку на отца с коротенькой припиской: «Ты остался старшим в семье».

В общем, мать поплакала, но Лешку начала собирать в дорогу. И чем ближе подходил июнь, тем сборы шли интенсивнее. Откуда-то из комода был извлечен довоенный отрез коричневого вельвета. Из него мать сконструировала замечательную куртку, которую называла толстовкой. Примеряя ее, Лешка млел от восторга и думал, что если Лев Толстой и носил подобные изумительные вещи, то, уж конечно, не за плугом, как изображено на известной картине. Там Репин явно преувеличил: даже граф и классик рискует беспутно разориться, если позволит себе подобную роскошь.

Потом на сцену выступил трехлитровый эмалированный бидон, в который мама начала складывать пайковые брусочки сливочного масла.

– В дороге тебе масло ох как пригодится, – сказала она однажды. Между прочим, скоро Лешка в этом убедился.

Первого июня Лешка сдал последний экзамен, по географии, вечером мама выгладила белье, испекла пирог с капустой, но упаковывать чемодан не стала, а с тонкой улыбкой сказала сыну:

– Похоже, что завтра мы с тобой этот пирог съедим.

– Н-ну? Это почему, мам?

– Телеграммы-то нет от этого майора.

Телеграмма была доставлена в одиннадцать вечера: «Второго поезд семьдесят два вагон семь майор *Харламов*».

Лешка опять делал фляки и рандаты, а мама завертывала в пергаментную бумагу пирог и мочила ее непонятными слезами.

Купить билет на проходящий поезд было практически невозможно. Но они купили, потому что начальником вокзала работал бывший папин ученик, а сейчас одноногий инвалид. Вот только с номером вагона вышла заминка.

– В седьмой не могу – это офицерский. Не имею права.

– Так Леша и поедет в офицерском. Вместе с Митиным однополчанином. Вот телеграмма.

– Вполне возможно. Но в седьмой могу дать посадочный талон только через военного коменданта. Пусть этот майор к нему и сбегает во время остановки. Поезд стоит четырнадцать минут. А пока – только в общий.

Поезд пришел почти вовремя. Лешка с матерью пробились сквозь перронную толпу к седьмому вагону и стали ждать.

Но оттуда никто не выходил. Пожилая толстая проводница впустила двух саперных капитанов, солидно предъявивших проездные документы. Вслед за ними впрыгнула на подножку шустрая девица в пилотке, плащ-накидке и с вещмешком на одном плече. Она не предъявила никакого документа, и проводница молча загрозила вход в тамбур своей мощной фигурой. Девушка ловко скользнула ей под руку, плащ-накидка с одного плеча свалилась, блеснул узкий серебряный погон с зеленым кантом, и проводница также молча убрала с прохода руку-шлагбаум. Только досадливо пожевала губами вслед резвой медичке.

Вокзальное радио угрожающе прохрипело, что до отправления пассажирского поезда Новосибирск – Москва остается пять минут, а никакой майор не показывался. Откуда Лешке было знать, что три часа тому назад, перед самым отправлением семейства Харламовых на вокзал в своем городке, их двухгодовалый отпрыск сглотнул пуговицу от папиного кителя, приняв ее за леденец. Об этом Лешка узнал значительно позже, а пока он ощутил теплую ладошку мамы.

– Пойдем, сынок, домой, – сказала она. – Не вышло с твоей поездкой. Пойдем в кассу, сдадим билет. Еще пять минут, кто-нибудь купит. Вон сколько народу...

Жизнь рушилась. Все летело в тартарары. И встреча с братом. И путешествие на Крайний Запад, как давно окрестил свою поездку Лешка. И последующие рассказы в классе о далеком пограничном городе на реке с удивительным названием Неман.

Пять минут – и совершится жуткая жизненная катастрофа. Из-за чепухи. Из-за того, видите ли, что какой-то майор не вышел из вагона. Можно такое допустить?

– Мам, я поеду, – тихо и серьезно сказал Лешка.

– Ну-ну, не дури, – только и ответила мать.

Ответила ласково и даже весело.

– Мама, я поеду! – громко и в отчаянии повторил он. – Митя же ждет.

Рывкнул локомотив. Могучая проводница седьмого вагона вытащила из-за пазухи желтый флажок. Лешка глянул на мать, на медленно повернувшиеся колеса вагона и швырнул в тамбур, прямо под толстые ноги проводницы в брезентовых сапогах, свой чемоданчик. Он наспех ткнулся носом в мамин подбородок и одним прыжком взлетел на площадку. При этом он здорово трахнулся головой в живот железнодорожной тетки.

Вагон двинулся быстрее.

– Ле-шень-ка! – закричала мама.

– Мам! Я доеду! Я тебе... телеграмму!..

Проводница глянула на Лешку, посмотрела на бегущую за вагоном мать и вдруг гулко захохотала:

– Этот – доедет! Этаким куды хошь доедет. Как он меня под пуп двинул! Мадам, не волнуйтесь, он доедет.

– Лешенька-а, бидончик забыл! – кричала мать.

Проводница спустилась на ступеньку ниже, подхватила из рук матери посудину и так и стояла на подножке – с флажком в одной и бидоном в другой руке, пока вагон не скрылся на повороте за длинным пакгаузом.

Лешка поехал.

– Ну, а где же тот бидон? С маслом то есть, – усмехнулся сержант, выслушав Лешкин рассказ.

– У тетки он и остался, – вздохнул Лешка.

– Это как?

– Она меня в седьмом вагоне до Москвы везла, в своем купе. Говорила, от контролеров прячет.

– У тебя же билет, чего тебя было прятать?

– Ну... не знаю. Попросила в благодарность какую-то оставить масло.

– Та-ак. Непорядочная она баба. Какой, говоришь, номер поезда? Ну-ну! Значит, так ты и прохарчился в дороге. А деньги? Ты же сказал, что триста рублей имелось.

– Так телеграммы же! – Лешка выдернул из штанов комочек квитанций. – Я их маме из Свердловска, Казани, Москвы посылал. Еще Канаш какой-то, Вятские Поляны. – Лешка помолчал и вздохнул. – Здорово дорого стоят телеграммы.

– А чего сообщал-то матери?

– Ну – чего! «Еду хорошо. Уральские горы маленькие, Волга широкая, но не очень, в Москве видел двух дважды Героев, наверное, приехали на парад Победы, сам здоров, только потерял носовые платки».

– И все это телеграфом отстукивал? – сержант долго смеялся, и его пухлые щеки тряслись, как холодец.

Из Бологого Лешка уезжал с комфортом. Он был посажен, а вернее, положен в плацкартный вагон на среднюю полку, снабжен буханкой хлеба, десятком яиц и парой здоровенных соленых огурцов. Уже прощаясь с Лешкой, сержант сунул ему в кармашек куртки бумажный пакетик:

– Это тут... адрес мой. На всякий случай. Мало ли что... Брату передавай привет. А будешь матери писать, так уж... того: не шибко поминай меня лихом. Бывай здоров, парень.

Укладываясь спать, Лешка развернул пакетик. Химическим карандашом и не очень ровными буквами там действительно был записан адрес: «Отд. милиции ст. Бологое Окт. ж. д. С-нт Кононов Никанор Никанорович».

И еще там лежала красная тридцатирублевая бумажка. Лешка улыбнулся и крепко уснул на полке. Проспать он не боялся: поезд шел до конечной станции – заманчивого и уже близкого города Гродно.

2

Брата Лешка увидел еще из тамбура вагона. Посредине перрона стоял высокий блондин в безупречном офицерском кителе без погон, отутюженных галифе и начищенных до сияния тонких хромовых сапогах. В руке он держал армейскую защитную фуражку. Прохожие уважительно косились на три ряда орденских планок на груди молодого человека, а какой-то стриженный солдатик на всякий случай козырнул ему.

Это и был Дмитрий Вершинин. Быстрым шагом он догнал Лешкин вагон и подхватил брата на руки вместе с чемоданчиком. Через минуту они сидели в привокзальном скверике, и Лешка уплетал бутерброд со свиной тушенкой. Дмитрий извлек его из заднего кармана галифе.

– Дожевывай, и пойдем на телеграф, – сказал старший брат. – Мать бомбардирует телеграммами с того самого момента, когда ты лихо стартовал в свой межконтинентальный вояж. Диву даюсь, как она разрыв сердца не получила за эти дни. Нашелся на ее голову новоявленный Миклухо-Маклай.

Лешка поперхнулся тушенкой.

– Я же слал телеграммы с каждой станции, что еду нормально.

– Разумеется. Всемирно известный путешественник Вершинин снисходительно извещает родных и близких об этапах своего блистательного передвижения из Азии в Европу. Они полны признательности за его чуткость и пунктуальность. А также просят фундаментально выпороть путешественника по прибытии его в назначенную точку земного шара.

– Ненужные церемонии, – сказал Лешка.

Глаза брата смеялись, а его длинные сильные пальцы ласково теребили стриженую Лешкину макушку. Наконец Дмитрий сунул его голову себе под мышку и слегка хлопнул по тому самому месту. Тогда Лешка окончательно развеселился. Этот жест брата он помнил с младенческих времен и знал, что он свидетельствует об отличном настроении Мити.

Город Лешку обрадовал и удивил. Он был очень чистый и очень зеленый. На мостовой из квадратных, отполированных временем камней не было ни соринки. Паркетно блестел и плиточный тротуар. Сплошной аллеей уходили вдаль шеренги уже отцветающих каштанов. Такие деревья Лешка видел впервые и залюбовался их желто-белыми свечами.

Почти незаметно было разрушенных зданий, на которые он насмотрелся начиная от самой Москвы. Но вскоре Лешка понял почему: за пышной зеленью не видно было и самих домов. Только в конце улицы высоко в небо врезались несколько башен.

– А чего церкви... такие острые? – удивился Лешка.

– Гм... Такова уж архитектура католических храмов. Это костелы. Справа – называется Фарный, а вон тот – Бернардинский. Там сейчас женский монастырь.

– Чего?! – усомнился Лешка. – И монашки есть?

– Есть немного, – улынулся Дмитрий. – Надеюсь, скоро исчезнут.

– А куда они денутся?

– Наверно, в Ватикан отправятся, к папе римскому. Чего им здесь делать? А пока мой тебе совет – не закрывай рот, раз уж открыл. Потому что изумляться придется еще и еще. Во всяком случае, в первый день. Это тебе не наш сибирский городок.

Лешка был вконец заинтригован. Они неторопливо шагали по плиточному тротуару, и Дмитрий понемногу продолжал рассказывать:

– Тут, милый братик, пока население что слоеный пирог у пьяного кондитера. Какой только начинки и примесей не встретишь. Само собой, что больше всего рабочих, поскольку фабрик в городе хватает, да плюс железнодорожники. Однако и хлама разного немало. Монашки – это так, мелкие песчинки. А есть нежелательные добавки и посерьезнее: недавние чиновники, коммерсанты, просто бездельники. Если угодно, даже помещики попадаются.

– Настоящие? – Рот у Лешки действительно не закрывался от удивления.

– Бывшие настоящие. Кто не успел с немцами удрать. Но ты не думай, что эта публика щеголяет в соломенных канотье и пикейных жилетах. Из Ильфа и Петрова они усвоили лишь финальный завет Остапа и пытаются срочно переквалифицироваться в управдомы. Вакансий только не хватает. Хотя и в смысле туалетов тоже встречаются... человекоподобные. Полюбуйся, например, на того пестрого фрукта.

Лешка полюбовался. По другой стороне улицы медленно вышагивал долговязый мужчина в расстегнутом длинном плаще канареечного цвета, из-под которого виднелись ярко-клетчатые брюки. Внезапно он остановился перед девицей с шикарной трехъярусной прической. Лево́й рукой он ловко сдернул с головы оранжевую шляпу, а правой подхватил женскую руку и громко чмокнул ее куда-то выше кисти, затянутой в перчатку.

– Я в восторге, что пани вышла на шпацир! – донеслась воркующая речь.

И снова поцелуй ручки. Пораженный Лешка пошел боком. Такое он видел только в кино.

– Образец фланера-тунеядца, – хмыкнул Дмитрий. – Идти рабочим на завод ему шляхетский гонор не позволяет, гешефты на черном рынке кончились, а больше он ни к чему не приспособлен. Вероятно, ждет, когда его пригласят бездельничать в Польшу. И фатально заблуждается, потому что там сейчас тоже трудовая дисциплина.

Лешка стал внимательно присматриваться к прохожим. Да нет, за исключением «фрукта», никого особенного больше не встречалось. Никаких купцов и помещиков. Навстречу шли самые обычные люди в обычных будничных костюмах. Женщины тащили с базара кошелки с редиской и салатом. Много попадалось гимнастеров без погон, а если с погонями, то чаще всего зелеными.

Но вот снова мелькнуло перед глазами что-то непривычное. Прямо по проезжей части улицы степенно двигался плотный бритый дядя в странной белой накидке. Сзади и спереди ее были нашиты рогатые черные кресты. Рядом с ним чинно вышагивали в таких же накидках, только без крестов, двое мальчишек Лешкиного возраста.

Он вопросительно уставился на брата.

– Такое вот дело, раб божий Алексей, – сказал Митя. – Ксендз с херувимами идет сопровождать в лучший мир какого-то правоверного католика.

А потом навстречу попалась гурьба пионеров. Они шли очень знакомо для Лешки: пытались двигаться строем, но разве его выдержишь на тротуаре, где толкаются прохожие и приходится их обходить. И только горнист и барабанщик маршировали строго по прямой, и все перед ними расступались.

Лешка приосанился и хотел салютнуть, но вспомнил, что без галстука.

Дмитрий надел фуражку и взял под козырек.

А еще через десяток шагов Лешка увидел в полукруглом подъезде четырех оборванных пацанов, которые вдохновенно резались в карты, кидая их на кучку бумажных денег.

Действительно, слоеный пирог...

– Мы зайдем ко мне в обком, пообедаем в буфете, а потом уже на квартиру, – сказал Дмитрий. – Не исключено, что вечером выкупаемся в Немане. Угадал твою светлую мечту?

– Угу, – счастливо выдохнул Лешка. – А Неман – река пограничная? Там уже сопредельная территория, да?

– Ух ты, до чего же тебе экзотики хочется, – фыркнул старший брат. – Между прочим, мать пишет, что от этой экзотики и всяческих приключенческих ситуаций я обязан тебя оберегать пуще своего глаза. Она упоминает, что у тебя талант влипать в разные истории. Это как понимать?

– Преувеличивает, – сердито буркнул Лешка.

...Подумаешь, талант. Всего и было-то, что их пионерский патруль застукал весной на реке четырех браконьеров, а в милиции выяснилось, что один из них является прямым маминим начальником из треста. Сейчас мама подумывает об увольнении по собственному желанию. Но Лешка же не нарочно...

Правда, в другой раз мама тоже немножко понервничала. Это когда он со своим приятелем утащил домой чужую пилу и топор. А что – неправильно? Пришли два дядьки и собрались пилить березу, которая росла под их окнами, говорят, со времен Ермака. Проводам, видите ли, береза мешает. Ну и тяните провода выше или с другой стороны! Дядьки сели покурить перед работой, а их инструмент исчез тем временем. Потом нашли его под крыльцом Лешкиного дома. И долго потрясали перед маминим носом кулаками, требуя какого-то протокола. Мама рассердилась и позвала соседа, который был эвакуирован из Ленинграда и работал в горсовете. Сосед тоже рассердился и увел куда-то дядек. Они больше не приходили, а мама треснула Лешку между лопаток и объявила, что это – за «донкихотство».

Вот и все. А они сразу – «талант»!

Обком комсомола помещался в двух этажах серого особняка. Здесь была знакомая Лешке атмосфера делового учреждения. Из комнаты в комнату проходили парни в обычных пиджаках или кителях без погон, как на брате, пробегали девочки в блузках с комсомольскими значками, а одна даже в пионерском галстуке. Она скрылась за дверью с надписью «Отдел школ и пионеров».

Митя подошел к двери с табличкой «Отдел крестьянской молодежи».

– Моя резиденция! – объявил он Лешке. – Ты отдышись тут на стуле, а я освобожусь ровно через пять минут.

Лешка присел на стул у двери. Из-за нее доносился разговор.

– ...Двенадцать комсомольцев и не могут создать в родной деревне колхоз? Ох, что-то ты, Иван, клеветашь на сельскую гвардию. Пусть своих папаш вовлекут для начала.

Это голос брата. Спокойный и, как всегда, немного насмешливый.

– Папаши им вовлекут... сыromятными вожжами. Один парень отвез соседке-вдове телегу навоза, так и то пришлось судить отца за избиение.

Это произносит сердитый бас с хрипотцой.

Лешка вдруг затосковал. «Навоз, колхоз...» Неужели это его брат Митя рассуждает там за дверями о столь обыкновенных вещах? Тот Дмитрий Вершинин, который срезал из засады командира дивизии СС и получил «Красное Знамя» из рук самого маршала Рокоссовского! Что ему, работы поинтересней не нашлось?

Из школьного отдела вышла в коридор очень высокая, полная, красивая тетя с комсомольским значком на тугом голубом свитере. Она была такая большая, что Лешка невольно поджал под стул ноги, освобождая проход. Но высокая девушка остановилась. Она возвышалась над Лешкой, как башня. Так же монументально и безгласно.

Лешке стало не по себе.

– Здравствуйте, – на всякий случай сказал он и привстал со стула.

Девушка взяла его могучей рукой за плечо и подтянула вплотную к себе. Еще секунда молчания.

– Ты – приехавший на каникулы младший вершининский брат, – сообщила она Лешке звучным, красивым голосом. – Ты похож на Диму. Очень похож. Как... жеребенок-сосунок на взрослого скакуна.

Пока Лешка медленно багровел от возмущения и сочинял в уме достойный ответ, монументальная девушка нагнулась и крепко поцеловала его в губы. А пока он обалдело вытирался, величественно удалилась по коридору.

Вскоре вышел Митя и с ним невысокий прихрамывающий парень с густой копной черных-пречерных волос и такими же бровями.

– Приезжай, Вершинин, в район, не тяни, – сказал он Дмитрию.

– Скажи сестренке, пусть готовит блины. Вот только братика приучу к местной жизни и приеду. Знакомься с ним, кстати.

Черноволосый рассеянно сунул Лешке жесткую ладонь и захромал к лестничной площадке.

– Ты чего губы трешь? – спросил Дмитрий брата, когда они сели в буфете за столик.

– Да... меня тут какая-то сумасшедшая тетка обмусолила.

Выслушав Лешкин рассказ, Митя схватился от смеха за живот. Потом хитро подмигнул:

– Не будь самонадеянным и не слишком принимай это на свой счет. Боюсь, что ты выступил в роли промежуточной инстанции. А вообще-то девушку эту зовут Соня Курцевич. Отличнейший человек и превосходный инструктор отдела школ, а в недалеком прошлом – уникальный партизанский подрывник. Говорят, таскала на плечах по полцентнера взрывчатки.

– А сейчас она что делает?

– Э, братик, есть что делать. Это только называется – отдел школ. А сколько всякой босяцкой публики еще предстоит загнать в школы. Сколько ребятишек из-за войны отбились от рук. Вернее, отбили. Отцов с матерями поубивали оккупанты. Вот тем и занимается бывшая лихая партизанка. Софья – инструктор по детдомам.

Лешка самым невинным тоном спросил:

– А ты – по колхозам? И по навозу?

Старший брат поперхнулся рисовой кашей и угрожающе положил вилку. Лешка тоже перестал есть, ожидая заслуженной нахлобучки за дерзость.

– Значит, подслушивал? – свирепо спросил Дмитрий.

– Не подслушивал. Вы там басили на весь коридор.

– Ешь компот и запоминай, что я тебе скажу. Относительно моей персоны ты, разумеется, мыслишь феерически: толпы народа ликуют при виде твоего прославленного в боях братца. В этом роде мерещились миражи?

Лешка сердито промолчал. Он с пеленок помнил вредное умение брата влезть в самые сокровенные мысли и высмеять их. Правда, делалось это обычно один на один и потому было не очень обидно.

Они быстро помирились и на этот раз.

– Мить, а почему называется отдел крестьянской молодежи? – спросил Лешка.

– А какой надо?

– Почему не колхозной...

– Н-да, парень ты наблюдательный. Только дело-то в том, что колхозов у нас в области еще нет. Почти. Только начинаем создавать. Тут же Советская власть меньше двух лет была, с тридцать девятого до начала войны, а потом – немцы три года. Фашисты здесь нагадили за оккупацию еще хуже, чем белополяки за девятнадцать лет. Впрочем, для политграмоты у нас с тобой время еще будет. Рассказывай о доме.

3

Вторую неделю Алексей Вершинин живет в гостях у Дмитрия Вершинина. А если точнее, то живет сам по себе. Потому что Дмитрий как уйдет с утра в обком, так и приходит в девять вечера. Правда, в полдень Лешка бежит к брату, и они вместе обедают в обкомовской столовой.

А ужинают дома. Из яичного порошка, сгущенки и консервированных заморских абрикосов, которые Митя получает по своим карточкам «ответственного работника», квартирная хозяйка Фелиция Францевна готовит разные вкусные блюда. За это ей Дмитрий приплачивает какую-то сумму.

Лешке хозяйка нравится, хотя она худая, длинная, плохо говорит по-русски и без конца тянет из белой фаянсовой кружки горячую «каву», то есть кофе. Нравится за то, что каждое утро гладит брату его офицерские брюки, а самого Лешку без всяких наставлений отпускает на реку, как только Дмитрий уходит на работу.

Их домик стоит на тихой прибрежной улице с красивым названием Подольная. От дома до песчаного берега Немана шагов триста. Никакая это не пограничная река, как сначала думал Лешка. За ней тоже город, там заводы и фабрики. А граница от города самое близкое километров за восемь. Но все равно это очень интересная река. Она широкая и быстрая, а посередине мелкая. На солнце ясно просвечивает желтая отмель. А у берегов – глубина. Переплывешь ее, и на середине можно спокойно ходить по щиколотку в теплой воде. Дальше снова глубоко, но после отдыха на отмели совсем нетрудно добраться до другого берега.

Это Лешка сегодня и сделал.

Вообще-то Дмитрий предостерегал его от такого шага.

– Понимаешь, Алексей, коварный этот Неман. Мин, конечно, уже нет, раз пароходы пошли. Зато воронки. Тут, говорят, каждый год кто-нибудь отправляется к Нептуну. У тебя как с плаванием?

– Ну как... Нашу Туру переплываю, а она же без острова посередине.

– Гляди. Все-таки надо поосторожнее.

Сегодня Лешка махнул на другой берег ввиду необходимости. Еще вчера трое мальчишек с той стороны обидно захохотали, когда он доплыл до отмели, передохнул и тут же повернул обратно. Один из них отчетливо прокричал что-то насчет толщины кишок и зажавшейся мамочки. Ночью Лешка спал плохо.

И вот сейчас он подходил четким кролем к бревенчатому плоту, на котором сидели мальчишки. Подплыл, подтянулся на руках и выметнулся на плот.

– А ничего шлепает! – одобрил один из троих, обращаясь не то к Лешке, не то к приятелям.

Он полулежал на сосновых бревнах, худой и черный от загара. Лобастая голова коротко острижена. Глаза круглые, глядят в упор.

Лешка встал на ноги. Он открыл рот, чтобы сказать парням деликатное «здравствуйте», но язык сам собой произнес более подходящее к обстановке:

– Здорово!

– О! Восточник! – захохотал вдруг плотный белокурый мальчишка и дурашливо задрал ноги. – Еще один на нашу голову. Ты из какого колхоза, лапотник?

Смысл вопроса Лешка не совсем уловил, но его интонация сомнений не оставляла. Она была откровенно издевательской.

Лешка нащупал пяткой углубление между бревнами, уперся в него ногой и выбросил руку по направлению к белокурой кудрявой шевелюре. Но дотянуться не успел, потому что блондинчик вдруг заскользил по мокрым бревнам в сторону, получив основательный пинок в зад. Это угостил его широколобый.

Проследив медленно-поступательное движение кудрявого к воде и убедившись, что тот не свалился, паренек повернулся к Лешке и коротко улыбнулся. Вверху у него не оказалось двух зубов.

– Плюнь. Садись. Меня зовут Михась. Тот, что под хвост получил, – Казик. А это Стась.

Тут Лешка разглядел и третьего мальчишку, который сидел в сторонке. Как и все, он был в одних трусах и такой же загорелый. Но и не такой, как все. Лешка наблюдал за ним всего лишь пару секунд и испуганно отвернулся.

У парнишки непрерывно дергалась куда-то в сторону и кверху голова, судорожно поднимались и опускались плечи, ходуном ходили или вдруг начинали трястись мелкой дрожью сложенные на коленях руки.

И еще были у него карие мохнатые глаза. Получалось как-то так, что глаза не дергались вместе с головой, а все время прямо и будто укоризненно смотрели на Лешку.

– Чего он так? – шепотом спросил Лешка.

– Контуженный, – коротко объяснил Михась. – Немец в погреб гранату кинул, а Стаська ее обратно. Чуть-чуть не успел: близко разорвалась. Мать жива осталась, а все шишки – ему.

– Он хоть разговаривает?

– Заикается здорово. Стесняется. Но слышит все. Ты с ним поговори. Стаська! Он с тобой познакомиться хочет.

И Михась прыгнул в воду, а Лешка остался на плоту с контуженным Стасем. Но из головы у него словно ветром выдуло все подходящие слова. С девчонками и то легче было бы знакомиться. Выручил сам Стась.

– От... от... отк... – мучительными толчками вырывалось из его горла.

Лешка испуганно и вместе с тем облегченно замахал на него руками:

– Да ладно, ладно, я понял. Откуда я приехал?

Стась утвердительно махнул ресницами.

...Западная Сибирь. Самая опушка тайги. Знаешь ты, парнишка с Немана, что такое тайга? Про это Лешка может рассказывать долго. Тайга – как океан. Город будто на берегу. Хороший город. В войну там мины, снаряды, автоматы делали для фронта. Лешкин класс ходил на воскресники разгружать баржи. Встанут цепочкой и передают из рук в руки чурбаки листовенничные. Из них приклады точили на заводах. А еще ребята теплые вещи собирали фронтовикам, у кого были лишние. Валенки, шапки, рукавицы. Верховный Главнокомандующий прислал благодарность школе. Не одной, конечно, Лешкиной, но и ей тоже...

Лешка говорил, говорил, говорил. Чтобы только снова не наступило молчание, чтобы еще раз не услышать жуткого, натужного заикания. Он говорил обо всем на свете: рассказывал, как его отряд собрал железного лома на целый танк, как мальчишки сделали в кабинете географии огромную карту фронта и отмечали флажками освобожденные города, как он многие эти города сам увидел, пока ехал сюда от Москвы. Он немножко приврал, рассказывая о целых вагонах трофейных знамен: будто бы видел, как их везут в столицу воины-победители. Зато он говорил сущую правду об оркестрах и толпах народа на каждом вокзале, где народ встречал воинские эшелоны из только что поверженной фашистской Германии.

Он не заметил, когда вылез из воды на плот Михась и стал внимательно слушать, как тихонько подобрался и сел сзади розовощекий Казик. Именно он-то и прервал затянувшийся монолог.

– Здорово ты брешешь, – услышал вдруг за спиной Лешка. – Послушаешь, так у вас в России точь-в-точь как в ксендзовском раю. А чего же вы тогда к нам сюда, на Запад, претесь? Небось сытнее тут, пока не успели колхозов наделать. А если вы такие непобедимые, то зачем немца пустили до самой Москвы?

Лешка так был огорошен нелепыми вопросами, что посмотрел на розовощекого Казика даже с интересом. Как смотрят обычно на полоумных. Потом молча пожал плечами.

– Что – заело говорилку? – не унимался кудрявый блондинчик. Его круглый подбородок с бороздкой посредине затрясся в недобром смехе.

Ответил Михась. Коротко и внушительно.

– Стихи, зануда! Человек от души разговаривает, а ты в свару лезешь. Не нравится, дуй отсюда. Верно, Стась?

Карие глаза согласно моргнули...

На следующий день они снова встретились. Утром Лешка сказал брату, что обедать к нему сегодня не придет, потому что дела. А возьмет что-нибудь пожевать с собой на берег. Дмитрий хмыкнул:

– Привыкаешь? Ну валяй.

Что ни говори, а такой брат заслуживал всяческого почитания.

Привязав на голову завернутые в майку бутерброды с неизменной тушенкой, Лешка переплыл реку и вскарабкался на плот. Михась и Стасик сидели на прежнем месте, а Казика не было.

– Наверно, ждет, пока батя отлучится по надобности, – улыбнулся щербатым ртом Михась. И тут же объяснил:– Обещал добыть часы. У Казимира отец – часовой мастер, и всяких ходиков в хате до черта.

Часы им сегодня действительно были необходимы. Они затевали контрольный заплыв на двести шагов, и нужен был хронометр. Вчера Михась смотрел-смотрел на Лешкин кроль и вдруг объявил, что перегонит его без всякого стиля. Казик сказал, что за ночь выучит по книжке какой-то особый стиль и тоже утрет нос «восточнику». Стась участия в споре не принимал и даже отвернулся в другую сторону.

А сейчас мальчишки сидели на теплых, пахнущих смолой бревнах и в ожидании «хронометра» болтали.

Ласково шлепала о плот маленькая волна. Падал в воду пух тополей. Добродушно басил за поворотом реки буксир. Начиналось первое мирное лето.

Но война все еще была главным в мыслях и разговорах людей. И больших и маленьких. Две голубые стрекозы, сцепившись крыльями, сели на колено Михася. Он осторожно взял хрупких насекомых в ладони.

– «Рама», – сказал он.

– Точно, – подтвердил Лешка. – «Фокке-Вульф-190». Двухфюзеляжный разведчик среднего радиуса.

– Чего-о? – недоверчиво уставился на него Михась своими круглыми глазами. – Откуда ты знаешь? Ты же их в своей Сибири не видел.

– Знаю. В кино видел. В журналах. Военрук в школе рассказывал. Мы про войну много чего учили.

Михась пренебрежительно сплюнул в воду.

– А меня сама война учила. И не журналы читать, а всему... чтобы не подохнуть. Это тебе не кино... И не школа. Я в школу три года не ходил. А сейчас и идти будет стыдно. Усы вон растут, а мне в пятый класс. Да ладно, я сопли не распускаю. Зато кое-чему научился за войну. Например, фрицам карманы щупать... Так что руль не шибко задирай. Лучше расскажи, как это ты плаваешь, что руки поверху ходят, а ноги в воде винтом? Хоть и обставлю тебя, а все-таки интересно.

Лешка слегка обиделся, но рассказал, что плавать кролем он научился в прошлом году в пионерском лагере. Учил сам начальник лагеря, демобилизованный по ранению морской главстаршина с Северного флота. Подводник. Их лодка потопила два транспорта, а потом сама получила повреждение.

– Американская! – сказал за спиной мальчишек Казик. Он держал в руке большие серебряные часы на длинной блестящей цепочке. – Вот достал. С секундной стрелкой.

– Почему американская? – сердито перебил его Лешка. – Наша советская подлодка.

– Бреешь, – хладнокровно возразил Казик. – У Советов подводных лодок не было. И кораблей не было. Все американское. Об этом немецкое радио каждый день кричало, а сейчас сами американцы сообщают.

– Может, и танков, и самолетов не было? – возмутился Лешка.

– Танки были, да и то их строили по американским чертежам.

– Это наши-то «тридцатьчетверки»! – Лешка вскочил и вплотную придвинулся к розовой физиономии Казимира.

– Это ваши-то! – продолжал измываться Казик. – И вообще татусь говорит, что если бы не американцы, Советам капут.

И вдруг он упал. Свалился на бревна, как сноп. Это больной Стась, собравшись с силами, делал ему подсечку и сейчас торопился схватить за горло своими трясущимися руками.

– Г-га-д, – хрипел он.

– Это же не я, это батя говорит! – отбивался от него Казик.

Порядок восстановил Михась. Он легко оторвал руки Стася, треснул два раза Казика по шее, а подскочившего Лешку оттолкнул в сторону.

– Не тронь ты его, засмердит. У него же ума, как у той утки подсадной, с чужого голоса крикает.

– Это как сказать! – бормотнул Казик.

– Еще получишь! – пообещал Михась.

– По отдельности, – добавил Лешка. – Надаю и за корабли, и за самолеты, и за танки.

Казимир захныкал:

– Это вы потому все вместе на меня, что я поляк, а вы кацапы. Ты белорус – значит, тоже москаль.

– Дурак ты толстый, – снова рассердился Михась. – При чем тут поляк? Стась тоже поляк, а влепил тебе пенделя. Потому что правильно соображает. Между прочим, его отца-поляка кто сгноил в тюрьме? Польские жандармы, а не москали. У нас в городе половина рабочих – поляки, а кто скажет против Советов? Сколько их фрицы показнили за подполье! А вот твоего татуся небось не тронули, потому что и он их не трогал, а делал с ними шахер-махер. Сам ты об этом рассказывал. И заткнись.

– А ты шахер-махер не делаешь? – быстро спросил Казик.

Михась кинул испуганный взгляд на Лешку. Но тот не реагировал на ехидную реплику. Он думал о том, что вот и еще что-то непонятное встретилось в этом городе. Поляк, русский, белорус... Раньше Лешка о таких вещах не думал. Лучшим другом в шестом классе у него был татарин Гафур. И еще эвакуированный из Молдавии Иона. Была в классе латышка Аустра. И если бы классная руководительница не рассказала, откуда эти ребята, никто бы и не интересовался их национальностями. Лично Лешке это было абсолютно все равно, лишь бы Гафур не мазал по воротам в матче с шестым «Б», а рыжая Аустра не делала в диктанте больше четырех ошибок, потому что каждая двойка ложилась чугунным балластом на отряд, а его, Лешку-председателя, мылили на совете дружины...

Спор на плоту утих, и можно было приступить к заплыву. Договорились плыть по течению на двести шагов, отмеренных по берегу. Финишем сделали куст ивняка, нависший над водой. Надо было схватиться за ветки. Для точности решили плыть по одному.

Засекать время они доверили Стасю. Отвели его к лозняку и положили перед ним на песок часы, потом вернулись на плот. Когда Стасик поднял руку, первым бросился в воду Казимир. Лешка понял, что он пытался изучить по книжке брасс. Но разве одной теорией чего-нибудь добьешься? Правда, плыл Казик довольно быстро, но больно уж некрасиво. Выскочил на берег и сразу ткнулся носом в часы.

– Минута сорок! – завопил он, как будто уже стал чемпионом.

Потом прыгнул Михась. И вынырнул только метрах в десяти от плота. Здорово! Лешка признался себе, что он под водой столько не продержится. Михась резкими сильными взмахами рук начал набирать скорость, а под конец снова нырнул и высочил уже у самого куста.

На этот раз Казик ничего не закричал. Михась тоже молчал и равнодушно прилег на песок.

– Сколько? – не выдержал Лешка.

Стась высоко поднял один палец, а потом еще два. Минута двадцать. «И плыл вроде не быстрее Казика, – удивился Лешка. – Ну, держись теперь, Алексей Вершинин, твоя очередь...»

...Давным-давно, в последнюю зиму перед войной, Митя учил Лешку ставить перед собой цель. Они ходили тогда на лыжную прогулку за город. Было Лешке восемь лет.

– Ну вот как быстрее всего добежать до того кедра? – спросил Митя у братишки.

– Как! Торопиться – и все.

– Нет. Ты должен что-нибудь вообразить. Ну, например, кого ты больше всех любишь? Маму любишь? Так вот, представь, что она заболела, а ты несешь ей драгоценное лекарство. На счету каждая секунда. От одного мгновения зависит все. Понимаешь – все! Жизнь мамы.

Тренерский прием был жестоким, но действенным. Лешка жалобно посмотрел на брата и рванулся вперед. Как он бежал! Даже когда слетела с валенка лыжа, он все равно бежал. Прыгал и падал, падал и тянулся к заветному кедру. Наконец он схватил коричневый ствол руками и прошептал: «Мама, я принес!» И стал есть снег.

Давно это было, а запомнилось.

– Чего дрейфишь, восточник! – закричал от куста Казимир.

«Это не куст, а фашистский снайпер, – внушал, напрягаясь изо всех сил, Лешка. – Он целится в Митю, который на том берегу. Если я не успею вышибить у него винтовку, он Митю убьет. Он уже прищурил глаз!»

...Лешка выбил винтовку из рук фашиста через минуту и пять секунд. Он с такой силой хватил кулаком по кусту, что одна ветка обломилась.

Шумнее всех радовался Лешкиной победе Стасик. Он суетливо размахивал непослушными руками, что-то лепетал и все совал Лешке под нос часы.

Позднее Лешка узнал, что еще год назад Стась был на Немане абсолютным мальчишеским чемпионом по плаванию.

Прошла еще неделя. Спокойно и нескучно текли друг за другом безмятежные летние дни. По вечерам братья засыпали поздно, потому что тем для разговоров у них хватало. Но сегодня Митя распорядился:

– Давай, брат, спать. Завтра у меня бюро. Весьма насыщенный день. Кстати, снова придется тебе питаться бутербродами.

Лешка еще повертелся на своем тюфяке, а потом объявил:

– У меня, наверное, тоже будет... насыщенный. И между прочим, я завтра приду в обком.

– Так я же говорю: бюро.

– А я не к тебе приду. Нам эта... Соня нужна. Которая по детдомам.

На этот раз постель заскрипела под старшим братом.

– Даже так? – удивился он, – Влазишь в местную жизнь?

– Влажу, – вздохнул Лешка.

...Сегодня на берегу Стась сказал Лешке:

– В д-д-ере-вню уе-з-з-жаем з-завтра.

– Зачем?

– Ж-ж-ж-ж, – мучительно задергался Стасик.

– Жрать нечего? – догадался Лешка.

Он хорошо помнил, как в сорок втором мама тоже ходила в спасительную деревню менять вещи на продукты.

– Жить им негде, – мрачно пояснил Михась. – Ты помолчи, Стаська, я сам расскажу.

И рассказал.

Когда старенькую деревянную хатку разнесло снарядам, Стасик с матерью сидели в погребе и уцелели. А когда немец от нечего делать швырнул туда при отступлении гранату, мать вытащила бесчувственное тело сына на воздух и стала искать какую-нибудь крышу над головой.

Лил теплый июльский дождь. Бой откатился за город, и по наплавному мосту на их рабочую окраину вступали советские части. С бронетранспортера прыгнула девчонка в пилотке и плащ-палатке. Волоча за собой сумку с красным крестом, она подбежала к матери.

– Живой?

– Н-не знаю, – заплакала мать. Девчонка быстро ощупала скрюченное тело мальчишки.

– Живой. Это контузия. Быстро в помещение. Ему нужен укол, массаж, тепло и покой.

Где живете?

– Нигде.

Девчонка-военфельдшер была до краев налита той решительностью, какую дает солдатам наступление.

– Федор! – пронзительно заорала она в сторону бронетранспортера.

Через борт махнул здоровенный автоматчик.

– А ну, выдай гражданке ордер на этот особняк. – Она ткнула рукой в сторону соседского кирпичного дома.

– Есть, товарищ младший лейтенант!

Двумя ударами приклада солдат сшиб замок с парадной двери, стволом автомата отодрал прибитые крест-накрест доски. Через полчаса Стась ожил, а потом уснул на теплом и сухом широком диване.

Мать со Стасем так и остались в этом доме. В нем было на первом этаже четыре комнаты и еще одна в мезонине. Стоял он на их же родной улице, и хозяйина дома мать хорошо знала. Это был владелец часового магазина и мастерской Август Сигизмундович Шпилевский. Вернее, являлся владельцем до сентября тридцать девятого года, а потом стал часовым мастером. Но при немцах магазин ему вернули, и торговля вновь закипела. С утра до вечера в магазине толпились офицеры гарнизона, и больше всего эсэсовцы. Они не столько покупали, сколько продавали по дешевке часы, причем сразу большими партиями. Шепотом люди передавали друг другу, что в магазине сбывался «товар», реквизируемый у тысяч узников еврейского гетто.

Через год у пана Августа появился собственный автомобиль – маленький юркий «опель-кадет». На нем и удрал куда-то в деревню преуспевающий часовщик со своим семейством за месяц до отступления немцев. В доме он оставил все как было, но товар из магазина взял с собой. Видимо, отлично понимал пан Шпилевский, что, убегая, немцы начисто забудут свое доброе знакомство с ним и хладнокровно реквизируют до последней нитки все его достояние. А то и ухлопают потихоньку, дабы поменьше оставалось свидетелей черных дел.

Полгода назад Шпилевские вернулись. Как ни в чем не бывало они явились в горсовет и предъявили законные документы на свой дом.

– Все равно вас придется пока уплотнить, – сказали в горсовете Шпилевским. – Пять комнат, а вас трое.

– Господи, а кто против этого! – лояльно улыбнулся Август Сигизмундович. – Живет же у нас в силу военного несчастья семья Мигурских и пусть на здоровье живет. Мы и квартирной платы с них не спросим. Тем более, что мы почти соседи и лично знали самого пана Мигурского. Превосходный был слесарь.

На том и порешили. Мигурские остались жить в доме Шпилевских. Правда, не в прежней комнате, а в смежной с верандой. Там здорово дуло зимой сквозь стеклянную дверь, и Стасю снова стало плохо.

А месяц назад пани Шпилевская сказала Мигурской:

– Не бывает для матери ужасней горя, чем больной ребенок. И сердце мое скорбит за вас. Но поймите и меня: припадки Стася пугают нашего Казика. Он боится проходить мимо... гм... вашей комнаты. Не подумать ли вам о переезде? Мне кажется, вы не должны быть в претензии на нас: все эти месяцы мы не спрашивали с вас ни гроша.

Они действительно не требовали денег, только Данута Иосифовна два раза в неделю мыла полы во всем доме, включая мезонин. А насчет Казика пани Шпилевская откровенно врала. Вовсе он не боялся больного Стася, а наоборот, при первой возможности, когда не видели родители, заявлялся к нему в комнату и начинал разговоры:

– Страшно было, когда ты гранату схватил?

– Н-не...

– Не ври. По-моему, тут любой испугается.

– Н-не успел ис-ис-пугаться.

– Тогда правда. Ты и до контузии не шибко соображал. Скажи, вас к нам большевики поселили из-за того, что твой отец был коммунистом? Татусь говорит, что большевиков скоро американцы отсюда попрут... Но-но-но, не очень. Ты пока один раз выругаешься, я сто успею. Пошли лучше на Неман.

Он подхватывал под мышки Стася, и тот повисал на своем мучителе, упитанном и благополучном сыне часовых дел мастера... Еле двигая полуотнявшимися ногами, Стась брел с его помощью к родной реке. Он понимал, что ему уже никогда не плавать в Немане, но все равно жить без реки не мог.

На берегу их обычно встречал Михась Дубовик.

4

В свои пятнадцать лет Михась был человеком многоопытным. Людей он делил на три категории: вредных, бесполезных и нужных. Вредными были, конечно, фрицы, полицаи и прочие фашистские гады, которые угнали мать и старшую сестру в Германию. Сам он по приказу матери спрятался тогда под лодкой на берегу и в эшелон не попал. Но зато потом пришлось скрываться по подвалам, потому что дом Дубовиков полицейские спалили.

Мать и сестра из Германии так и не вернулись. Не вернулся из партизанского отряда и отец-железнодорожник. Сейчас Михась жил у глухой старухи-побирушки, которая была существом абсолютно бесполезным. Кроме крыши над головой, от нее ничего урвать было нельзя. Да Михась ничего от нее и не хотел. Он считал себя обеспеченным человеком. Скоро год, как он работал сортировщиком на табачной фабрике и получал там паек и зарплату. Правда, пятисот рублей хватало по рыночным ценам, чтобы купить пару потрепанных башмаков, но у Михася был дополнительный источник доходов...

Нужными для себя он считал франтоватого экспедитора фабрики и сумрачного долговязого вахтера в проходной будке. Когда дежурил длинный, экспедитор засовывал Михасю под рубаху и в штаны десятка полтора сотенных пачек «Казбека», и Михась бесстрашно выносил их с фабрики. Если бы ему сказали, что он вор, он бы очень удивился. Украсть можно у человека, и это подло, да и то смотря у кого украсть. При немцах Михась проникал в вестибюли офицерских столовых, очищал карманы шинелей от рейхсмарок и ничуть не чувствовал себя вором.

К советскому офицеру он, разумеется, в карман не полезет. Но фабрика – это не человек. И потом, у нее нет хозяина. По радио говорят, что она народная. А он что, разве не народ? Да и делают там сотни миллионов папирос. Десяток пачек разве потеря для фабрики?

Сам Михась папиросы не продавал. По указанию экспедитора он относил их пану Шпилевскому. Раз или два в месяц тот давал Михасю по сторублевой бумажке. Потому Шпилевский был тоже человеком нужным. «Патрэбным», – как говорил Михась на родной белорусской мове.

В доме часового мастера он и познакомился с Казиком и со Стасем.

Отношения с сыном часовщика у Михася сложились странные.

– Спекулируешь! – уверенно сказал Казик Михасю, когда тот в первый раз вышел из комнаты его отца.

Разговор происходил на крыльце. Михась оглянулся на окна, смазал пухлого Казимира по носу и только потом осведомился:

– Тебе кто накапал?

Как ни странно, Казик не заревел.

– А я сам догадался, – невозмутимо ответил он. – Раз от таты вышел, значит – коммерция. Ты меня не бойся. И не дерись. А то скажу отцу, и весь твой бизнес – ф-фук!

Михась снова замахнулся, но не так решительно. Он почувствовал, что в словах Казика есть правда.

Такое чувство было нестерпимо унижительным, и Михась постоянно искал случая поставить Казика на место. Поводом послужил больной Стась.

– Ты чего же, зараза, хворого человека заставил зимовать в холодной комнате? Забыл, что теперь не панские времена, – сказал он однажды Казимиру. – Заявить вот в горсовет, оттуда вам быстро напомнят, какая сейчас власть.

– А я комнатами не распоряжаюсь, – возразил Казик. – И в горсовет ты не заявишь. Если власть сейчас не панская, то и не воровская.

– Сволочь ты буржуйская, – бессильно выругался Михась.

Свой сегодняшний невеселый рассказ Лешке о печальных делах семьи Мигурских Михась закончил странным словом «альтиматум».

– Чего? – не понял Лешка.

– Ну, велела им вчера эта пани Шпилевская немедля выматываться из дому. Поставила этот самый...

– Ультиматум, – рассеянно поправил Лешка.

– Нехай так. И они в веску собрались к какой-то дальней родне. А чего им делать в деревне? Они же городские. Там и докторов хороших нет. Помрет Стась. Давай будем думать, что делать. У тебя брат, кажись, большой начальник в городе.

– Ну... не знаю, – неуверенно сказал Лешка. – В обкоме комсомола работает. В армии старшим лейтенантом был.

– Армия уже не в счет, – отмахнулся Михась. – А вот обком – это да. Ты, может, втянул бы брата в это дело? А то, ей-богу, загнется пацан.

У Лешки зашипало в носу.

– Я купнусь, – невнятно сказал он и нырнул с плота.

Он плыл к отмели и думал о том, что был круглый дурак, когда с пятое на десятое читал книжки о прежней жизни. Ну, о той, до революции, когда еще везде существовала несправедливость, всякие купцы, банкиры и прочие домовладельцы. Считал, что все это давно кончилось, а значит, незачем и голову забивать грустными историями. Куда веселее читать о пиратах и сыщиках. И вот, оказывается, не везде это прошлое стало прошлым. А он понятия не имеет, как надо действовать в таких случаях. И ничего подходящего не может вспомнить из тех книжек, где герои боролись с несправедливостью. Выходит, что он законченная балда, хотя и перешел в седьмой класс.

Усталый от плавания и самокритики, Лешка выбрался на плот. Он не успел еще ничего придумать и потому спросил:

– А чего этой пани вдруг приспичило? Жили-жили, и вдруг немедленно выметайтесь.

И тут выяснились интересные подробности. Рассказал о них уже сам сын часового мастера. То ли по глупости, то ли из-за обиды на папашу.

– Не надо было Стаськиной матери совать нос в чужие бумаги, – сказал Казик.

– Она не соо-о-вала. Она не... не-грамотная, – возразил Стасик.

– Все равно наделала такой суматохи, что батя стал весь белый, а плешь синяя. Я под дверями сам слышал, как он орал: «Донесет, погибли, к белым медведям загонят!» А мать сказала: «Уедут, так и не донесут. Я им денег дам».

Мать Стася мыла в мансарде окно и случайно нашла завалившуюся за наличник бумажку. Она сразу же отнесла ее пану Августу. Лысина Шпилевского приобрела аквамаринный оттенок.

– Вы... вы умеете читать по-немецки? – почему-то шепотом спросил он квартирантку.

– Я и по-польски-то один класс кончила, – усмехнулась бледными губами мать Стася.

– Врете! – хрипло сказал Шпилевский.

Женщина удивленно и обиженно раскрыла глаза.

– Я, я умею по-немецки, – сунулся изнывавший от любопытства Казик и подскочил к бумаге, которую отец положил на стол.

От полновесной затрешины он галопом пересек всю комнату, ткнулся лбом в подоконник и расквасил нос. Такой оплеухи он не получал за все свои тринадцать лет.

– Будильник пузатый, – непочтительно отозвался Казимир о родном отце, заканчивая рассказ. – До сих пор сморкаться больно.

– А что за бумага, успел разглядеть? – спросил Лешка.

– Ни холеры я не успел. Заметил только немецкую печать с орлом и на ней буквы: GKLJ. Вот в тот день моя матуля и прижала Стаськино семейство. Тыщу рублей им дает на переезд.

У Лешки даже в носу зачесалось от волнения. Значит, пан Шпилевский хочет избавиться от Мигурских из-за какой-то бумаги! Боится, что Стасикова мать прочитала документ! Почему боится? Что это за документ? И что означают четыре буквы на печати?

Пообещав Михасю что-нибудь до утра придумать, Лешка поспешил на свой берег. Но Дмитрий еще не вернулся. Хозяйка сидела под окном на скамеечке и, по обыкновению, тянула из чашки кофе.

– Фелиция Францевна, вы немецкий язык хорошо понимаете? – спросил Лешка и присел на край крылечка.

– Так. Розумем. Тши годы была кельнером в кафе. То есть официанткой.

– В каком кафе?

– На Костельном плаце. Кафе «Адрия», для панов офицеров.

– Для немецких офицеров? – уточнил Лешка.

– Так. Для германских. Кельнерам тшэба было ведать мову.

Лешка почти с испугом посмотрел на Фефе, как он успел мысленно прозвать хозяйку. Выходит, эта белобрысая тетка три года подряд изо дня в день подносила фашистам еду, улыбалась им, как улыбаются все официантки, а сейчас так же улыбается старшему лейтенанту Советской Армии Дмитрию Вершинину и гладит ему брюки. Чудеса! Такие вещи не укладывались в Лешкиной голове.

– А вы не знаете, что означают по-немецки буквы – гэ, ка, эль и ёт?

Лешка щепочкой написал буквы на песке.

Хозяйка с минуту всматривалась в них и вдруг удовлетворенно хмыкнула:

– То я добже вем. Знаю хорошо. Скорочено... сокращенно то есть, будет: управление еврейских концентрационных лагерей.

– А... откуда вы знаете? – недоверчиво спросил Лешка.

– Хо! Такие литеры у нас в кафе стояли на всем: на салфетках, на полотенцах, даже на видельцах... на вилках то есть. То значило, что их у жидов отобрали... у евреев то есть, – быстро поправились она и сбоку глянула на Лешку.

Он опустил глаза в землю. Похоже, что дело тут серьезнее, чем квартира Стася. А вообще-то почему они все уперлись в этот проклятый особняк Шпилевских? Будто по-другому нельзя помочь парню. Есть же в городе люди, которые специально занимаются такими делами. В памяти Лешки вдруг всплыла фигура большой девушки в голубом свитере, и вспомнился рассказ брата о ней... Он уговорил Михася идти завтра к Соне Курцевич.

5

Лешка и Михась встретились на Советской площади – бывшей Костельной. Ее с четырех сторон обрамляли острые башни старых католических храмов. В одном из костелов шла служба. Из высоких резных дверей доносились мощные аккорды органа, и в промежутках между ними гудел баритон ксендза, читавшего по-латыни молитвы.

Орган Лешку заинтересовал. Он осторожно поднялся по истертым гранитным ступеням на паперть и попытался между спинами молящихся рассмотреть внутренность храма. Тотчас он получил здоровый подзатыльник, а с головы его сдернули кепку.

– Куда лезешь в капелюше, хамово отродье!

Лешка вырвал кепку из потной руки усатого дядьки и кубарем скатился на мостовую.

– Уже схлопотал по уху? – услышал он голос Михася. – А чего лезешь, если порядок не знаешь? Ты бы еще в красном галстуке в костел сунулся.

Лешка растерянно оглядел площадь. Ну и город! Вот вывеска на доме: «Областная библиотека имени А.М. Горького». Вот киоск «Союзпечать». В нем продают «Комсомольскую правду» и любимый Лешкин журнал «Пионер». Все как полагается. И тут же рядом какое-то средневековое. Бредут две монашки в черных балахонах и белых платках. Не хватает только великого инквизитора и аутодафе. Вон опять хлюст в блестящих сапогах прикладывается к ручке размазанной мамзели.

– Ну их к черту, – мрачно сказал Лешка. – Идем в обком.

– А меня не того... не завернут оттуда? Сам-то вырядился как на пасху, а от меня люди и на улице шарахаются, не то что в хорошем доме.

Лешка взглянул в своего спутника. На плоту все они были одинаковыми хлопцами в выгоревших сатиновых трусах. А сейчас бросалось в глаза убожество обмундировки Михася. Какие-то брезентовые штаны, серая ситцевая рубаша без пуговиц, полотняные туфли на босую ногу. Ну да ведь не от веселой жизни ходит парень в растерзанном виде.

– Ничего, как-нибудь обойдется, – уверенно сказал Лешка. – Там ведь тоже не в лакированных сапогах ходят. Там – свои.

– Тогда ладно, – вздохнул Михась. – Только говорить будешь ты. А если что пропустишь, я добавлю.

Но в вестибюле серого здания Михась снова круто затормозил. Он посмотрел на стеклянную табличку «Обком ЛКСМБ» и буркнул Лешке, что он «все-таки сюда не сунется, а то будет себе дороже».

Лешка обозлился. Если он один пойдет, то чего добьется? Он в городе без году неделя. Кого он может убедить без живых свидетелей? Он даже имена-то не может запомнить толком. Всякие там Августы да еще Сигизмундовичи.

– Большой, а трусишь! Чего трусишь? Я же говорю, что на твои штаны никто и внимания не обратит. Мы такие факты выдадим, что не до штанов будет.

– И о четырех буквах рассказывать?

Лешка подумал: «Нет, это не здесь. Это надо чекистам».

Михась поддернул свой жесткий брезент на бедрах и шмыгнул носом.

– Н-не. Все равно не пойду. Я же на работу опоздаю. Вторая смена.

Это был довод. К тому, что Михась являлся рабочим человеком, Лешка относился с великим почтением. Это тебе не председатель совета отряда в шестом классе. На два года всего старше, а уже на фабрике.

– А ты в самом деле работаешь? – загудел над мальчишками грудной альт. – Сколько же тебе лет? И где произошло нарушение трудового законодательства о подростках, если ты во второй смене?

Во всех случаях, когда вмешивались в его личную жизнь, Михась стремился отступить в тень. В данном случае это было бессмысленно, потому что тень говорящего простиралась по всему вестибюлю. Лешка узнал Соню Курцевич.

И она узнала его.

– О, здесь младший Вершинин. Но если ты к брату, то он на бюро.

– Мы к вам, товарищ инструктор. По важному делу! – очень громко доложил Лешка.

Сонина голова возвышалась над ним где-то очень далеко, и он был убежден, что к таким крупным людям следует обращаться в полный голос.

Мальчишки сидели на стульях у Сониного стола, а она разговаривала по телефону:

– Горздрав? Мне инспектора по детским больницам. Здравствуйте, звонят из обкома комсомола. Стоит у вас на учете больной Мигурский Станислав, тринадцати лет? Стоит? Очень хорошо. А позвольте спросить, почему он не определен в больницу на стационар? Не было сигналов? Вот, значит, как. А патронажный персонал имеется? Так чем же он, разрешите знать, занимается, если не проверяет состояние детей, пострадавших в боях за город, а ждет каких-то сигналов? Примете меры? Самое лучшее, если вы сообщите содержание этого разговора секретарю вашей комсомольской организации. Завтра мы проверим.

Лешка и Михась заерзали на стульях.

– Завтра? Они сегодня собираются уезжать, – сказал Лешка, когда Соня повесила трубку.

Она снова взялась за телефон.

– Горотдел милиции? Мне капитана Голуба. Здравствуй, Антон. Это Соня. Слушай, скажи, кто у вас участковый по улице Пограничной за Неманом? Зачем? А затем, что там один частник выбрасывает на улицу семью с больным ребенком. Вот и скажи своему оперу, пусть он поставит на место этого домовладельца. Пусть хоть штрафанет его для начала. Как это не имеет права? Что значит – разобраться? А я, по-твоему, не разобралась? Ты как со мной разговариваешь? Или я уже для тебя не командир взвода? Нечего смеяться, я вполне серьезно. Вот именно – приезжай. И немедленно.

Соня Курцевич хлопнула на рычаг трубку и подмигнула ребятам:

– Разводит формалистику: я уголовный розыск, а не наружная служба, надо разобраться... О тебе, Дубовик, тоже нелишне подумать. Куда это годится, что ты... Ты чего вертишься, будто на mine сидишь?

Михась действительно ужом закрутился на стуле, когда услышал, что сюда явится капитан милиции. И не какой-нибудь, а начальник уголовного розыска. Только этого и не хватало! Вот влип... Этот капитан отправится, чего доброго, лично к Шпилевскому, и пан Август сразу же накапает на Михася, чтобы отвести удар от себя. Скажет: кому вы верите? Этому ворюге, который сбывал мне краденые папиросы?

Михась ясно представлял, что из всего этого выйдет. Милиция возьмет его за шиворот. К чертям собачьим полетит дружба с Лешкой-сибиряком. Презрительно отвернется от него эта большая тетка. Худо будет Стаське, потому что кто захочет сочувствовать человеку, у которого приятель вор?

Михась впервые употребил это слово применительно к себе.

– Куда? – прикрикнула на него Соня. – Я еще не кончила звонить. Сейчас займусь твоей фабрикой. Подросткам до шестнадцати не положено работать в ночную смену. Так что лучше ты сегодня отправишься с нами к этому Мигурскому. Раз начали, сразу и кончать будем с этим делом.

Михась молниеносно сориентировался:

– Дак... я как раз туда и хотел рвануть. Застать Стаську... чтобы, значит, не уезжали.

– Это дельная мысль, – одобрила Соня. – Рвани.

Михась вылетел из обкома и перевел дыхание только в крытом подъезде дома напротив. В ту же минуту к обкому подкатил «виллис», и из него ловко выпрыгнул офицер милиции. Он был маленького роста, но такой мускулистый, что походил на тугой канатный узел.

Капитан уже входил в вестибюль, но вдруг круто обернулся. Михась не успел спрятать голову за угол, и глаза их встретились. Случайно? Вряд ли. Потому что капитан поднял руку и недвусмысленно погрозил Михасю пальцем. Потом скрылся за дверью. Растерявшийся Михась еще пару минут столбом торчал в подъезде. Ничего не придумав, он все-таки отправился к Шпилевским.

В их доме он прежде всего заглянул в угловую комнату к Стасю. Тот лежал на тощей железной койке и глядел в потолок. Михась нагнулся к уху больного и шепнул:

– Скажи матери, чтобы не вздумала уезжать. К вам сегодня начальство придет. Лешка кое-что провернул.

Стась махнул ресницами, и Михась отправился в кабинет хозяина дома. С паном Августом он говорил коротко и по-деловому.

– Мигурских не отпускайте, а сами сматывайтесь подальше.

– Нелогично! – возразил Шпилевский. – Если квартиранты будут у нас жить, то чего же мне опасаться властей и зачем сматываться?

– Есть зачем! Сами знаете.

– Папиросы твои, что ли? Кто о них кроме тебя знает? Не думаю, чтобы ты пошел доносить сам на себя, – ухмыльнулся пан Август.

Но Михась решил избавиться от него любым путем. Если исчезнет Шпилевский, ему, Михасю, жить легче. Меньше свидетелей, которые знают о папиросах.

– А может, и пойду доносить, – вызывающе сказал он. – Меня не расстреляют. Зато потом буду по-людски жить. А вот насчет вас – не знаю. Потому что тут не только папиросы, а и документик замешан.

– Какой документик? – лицо пана Августа пошло пятнами.

– Будто не знаете. Немецкий, из гетто, – брякнул Михась. – Вы чего-о-о?!

Шпилевский попытался схватить мальчишку за горло, но Михась боднул его головой в живот и вскочил на подоконник. В руке у него оказались увесистые настольные часы в морном футляре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.